

Никольская башня
Московского Кремля.
Начало XX в.

**ВАДИМ
ДЕМЕНТЬЕВ**

ПО СЕВЕРНОЙ ДОРОГЕ

Никольская башня
Соловецкого монастыря

Вадим Дементьев,

наш столичный земляк, член Вологодской писательской организации, закончил работу над новой книгой для московского издательства «Вече», рассказывающей о Северной дороге, путь по которой, по его мнению, являлся символическим и сакральным для всего исторического развития России.

Книга впервые в отечественной литературе предлагает совершить паломническую поездку на русский Север от Москвы до Соловков. Написанная в древнем жанре хождения, она рассказывает о святых местах Москвы, Подмосковья, Переславля-Залесского, Ростова Великого, Ярославля, Вологды, святых областей Северной Фиваиды - Кубеноозерья и Белозерья, Поморья.

Всем нам не раз приходилось совершать этот путь, но многие ли из нас видели его не отстраненно-путешествующим взглядом, а признательным и просветленным духовным взором?! Именно под таким углом зрения, весьма актуальным и отчизнолюбивым, и написана книга Вадимом Дементьевым. Читателям журнала «Лад» предлагаются отдельные главы из этого повествования.

ОТ ОБИТЕЛИ
К ОБИТЕЛИ

**«Утишь ум, освободи от плена
помыслов, внимай сердцу».**

Преподобный Нил Сорский

Из широкого окна на девятом этаже московского дома, где я работаю, открывается поистине сказочная панорама: высокие шпили и башни Исторического музея, Воскресенских и двух кремлевских ворот, Спасских и Никольских, соседствуют в перспективе с золотыми куполами восстановленного Казанского собора и праздничным узорочьем маковок храма Василия Блаженного. Когда ярко све-

тит закатное солнце, то красота за окном просто неопишуемая - до горизонта раскинулся настоящий древнерусский град шатров и луковиц, будто иллюстрация из былин и сказок, из первых прочитанных в детстве книг. Трудно найти более радостный, более светлый и одновременно более торжественный пейзаж, чем этот, сотворенный с любовью руками русских людей.

От Никольской (ранее называемой еще Николаевской) башни Кремля в древности начиналась сухопутная дорога на мою северную родину - в мир трудолюбивого крестьянства и православных святых, глубоких снегов и белых ночей, прозрачных озер и тихих рек. Эта башня, как невеста,

высокая и тонкая, в резных одеждах каменных украшений, меня всегда особенно привлекала. В ее облике, устремленном к небу, немало общего с готической колокольней Вологодского кремля, с каменным убранством Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей, с заиндедевшими елями, с деревянными шатровыми церквями, морозными узорами на окнах и с вологодскими кружевами. Она, эта башня, так и зовет меня сделать первый шаг по Северной дороге.

В средние века Северный тракт начинался с Никольской улицы в самом сердце Кремля, с площади, что раскинулась между главными соборами Руси и колокольней Ивана Великого. Сегодня сюда под Новый год и Рождество по Северной дороге доставляют главную ель страны из Великого Устюга, с «родины Деда Мороза». Ее торжественно завозят в Кремль на автопоезде через Спасские ворота.

Дубовые же двери Никольской башни давно не открываются. Пустует надвратное место и для иконы Николая Чудотворца, которая по традиции провожала и встречала русских путников и странников, благословляя их терпение в дальней дороге. Эта икона счастливо сохранилась и находится в одной из замоскворецких церквей.

Официально называли эту дорогу по-разному, в зависимости от конечного пункта маршрута - то Троицкой (Святотроицкой), то Переяславской, то Ярославской, то Вологодской, то Каргопольской. Еще именовали эту дорогу Патриаршим трактом, а сегодня - Ярославским шоссе. У народа имелись иные названия: Северная дорога или Святая дорога.

Да, это был основной путь русской церковной святости, главная дорога православного богомолья.

Северная дорога - это не просто тракт, не отрезок современной федеральной автомагистрали М-8 «Холмогоры». Это судьба России, ее исторический путь. Народ, постоянно утеснявшийся с юга, востока и запада, вынужден был уходить на север, за Волгу, и здесь, за Комельскими леса-

ми, разворачивать свои плечи, заливать на них непосильную ношу, но и с нею каким-то чудом справляться, волочь, как бурлак по волокам, за собою страну.

Сюда, в намоленный край, в святые пределы, к таинственным скитам шли и шли богомольцы. Шагали от монастыря к монастырю, от чудотворца к чудотворцу, которые, чем дальше на север, тем знаменитее и сокровеннее, от одного чудесного храма к другому, не менее древнему. По этой дороге шли спорым шагом крестьяне, торопились служивые люди, не спеша брели странники... По дремучим лесам, по полям и косягорам, через броды и по мостам, через волоки и болотные гати, мимо сел, деревень и древних посадков... Опережая их, проносились зимой в снежной пыли санные поезда с великими московскими князьями, а с XVI века и с царями всея Руси. Летом традиционные великокняжеские и царские выезды в северные монастыри обставлялись еще пышнее и богаче. По всей дороге высоких гостей встречали специально обустроенные для таких паломнических поездок путевые дворцы.

Традицию почитания великих северных угодников, молитвенного испрошения у их святых мощей благодати Русской земле возобновил в 2001 году Президент России В.В. Путин, совершив летнее богомолье в Кирилло-Белозерский, Валаамский и Соловецкий монастыри, на которое его благословил архимандрит московского Сретенского монастыря, стоящего на той же Северной дороге, Тихон (Шевкунов).

Северный тракт для всех странствующих и путешествующих замирал только на несколько недель в весеннюю и осеннюю распутицу, в водополье, когда даже малые реки и ручьи выходили из берегов, заливали вешними водами все низины и прибрежные луга. Оживал он в летнюю сушь и особенно в зимнюю пору. Накатанный тысячами санных полозьев, этот путь манил дальними и таинственными землями, неяркими о-

нями деревень-малодворок и темными бревенчатыми стенами монашеских обитателей с церковными куполами, покрытыми осиновым лемехом, тускло блестящим под светлыми небесами, как благородное серебро.

Николай Рубцов, «таинственный странник» русской поэзии, во многих своих стихотворениях удивительно зримо и пронизательно выразил иррациональную притягательность русских дорог и печаль скитаний, когда любой «тихий свет», встретившийся на ночном пути, является надеждой на скорое спасение:

*Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты
в предчувствии тревожном
Горишь для тех,
кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя..*

Для меня буквально каждый камень уже в самом начале Северной дороги рождает исторические воспоминания и аналогии. Подхожу, к примеру, к восстановленному собору Казанской Божьей Матери на Красной площади Москвы, храму-памятнику освобождению Москвы от поляков в 1612 году. С его паперти когда-то произносил проповеди священник кремлевского Успенского собора Иван Неронов, «ревнитель благочестия», один из сподвижников протопопа Аввакума. Ивана Неронова за истовое отстаивание старой веры власти сослали в островной Спасо-Каменный монастырь, что на Кубенском озере.

От новостроя Казанского собора совсем близко до храма-красавца в стиле московского барокко, сохранившегося от бывшего Богоявленского монастыря. Храм во имя Богоявления Господня сегодня прекрасно гармонирует с таким же кружевным обрамлением Никольских ворот, внося в строгий вид державной Красной площади праздничный тон, красиво сливая

в нерасторжимом единстве два любимых московских цвета - белого камня и красного кирпича.

Находясь в трех шагах от Кремля, Богоявленский монастырь, второй по столичной древности, основанный еще первым московским благоверным князем Даниилом Московским в конце XIII века, считался одним из самых привилегированных и богатых. И одновременно славился своей строгостью. Вернее, скажу по-другому: неукоснительно соблюдая общежительный устав, Богоявленский мужской монастырь быстро завоевал популярность и поэтому стал самым престижным в московской округе, получая значительные вклады от столичного боярства. В одну из его келий Дмитрием Донским и Сергием Радонежским (его старший брат Стефан настоятельствовал в этой обители) был определен молодой монах по имени Дионисий, выходец с благодатного греческого Афона. Именно он, Дионисий, получивший позднее прозвища Святогорец или Грек, стал первым известным нам игуменом всё того же Спасо-Каменного монастыря и более 20 лет в конце XIV - начале XV века творил свои духовные подвиги на островке среди бурных вод Кубенского озера в деревянной, продаваемой всеми ветрами обители, воспитав там знаменитых чудотворцев русского Севера - преподобных Дионисия Глушицкого и Александра Куштского.

Поистине удивительные судьбы, подвижнические биографии стали разворачиваться перед нами, как свитки, уже с самых начальных поприщ Северной дороги!..

Зайдя во вторые от Богоявленского переулка ворота Чижовского подворья, можно увидеть спрятанную во дворе белокаменную церковь во имя Успения Богоматери, построенную дворянами Салтыковыми в 1691 году. Рядом с храмом когда-то находилась усадьба этого знатного дворянского рода. Один из Салтыковых памятен мне тем, что начиная с того же XVII века владел селом Кубенским, первой ямской станцией на шестидесяти вер-

стах побережья Кубенского озера. «Городок Кубенский», как его называл великий русский историк Василий Татищев, по времени своего основания считается древнее Москвы и Вологды.

Но я по Никольской улице прошагал все-таки немного быстрее, чем требуется, и если вернуться чуток к Кремлю, то по правой стороне можно войти в ворота монастыря Всемилоштивого Спаса

на Никольском крестце, что располагался за Иконными рядами. Это был знаменитый Заиконоспасский монастырь, основанный в 1600 году Борисом Годуновым (по другим сведениям, он открыт был гораздо раньше, еще в XIV-XV вв.). Здесь в здании, построенном царем Федором Алексеевичем, размещалась Славяно-греко-латинская академия, первое учебное заведение на Руси. Сюда по Северной дороге из Холмогор пришел с рыбным обозом потомственный помор Михайло Ломоносов, называвший свою «альма матер» «Спасскими школами».

Православные монастыри и до основания Славяно-греко-латинской академии (она просуществовала на этом месте до 1814 года и была преобразована в Московскую Духовную академию, которую перевели в стены Троице-Сергиевой лавры) славились как центры образования и воспитания. В них располагались первые библиотеки, их украшала фресковая стенопись, отсюда раздавалось ангельское пение, и в храмах глаза радовала несравненной красоты церковная утварь, многоярусные иконостасы и чудотворные иконы.

Монастыри на Северной дороге начинались еще за Кремлевской стеной. Первый из них назывался во имя Чуда архистратига Михаила - Чудов, располагаясь напротив ны-

Москва. Никольская улица - начало Северного пути. Начало XX в.

нешнего памятника Царь-пушке. Он основан выдающимся церковным и государственным деятелем святителем Алексием, митрополитом Московским, в 1365 году, за пятнадцать лет до Куликовской битвы. Пересказ истории этой славной обители занял бы отдельную главу в моей книге, но сегодня, к сожалению, от монастыря в Кремле ничего не сохранилось, он был разрушен в 1930 году.

И все-таки «бывают странные сближения», как писал А.С. Пушкин. «Моя» Северная дорога, согласно такому сближению, тянется от кремлевской Михайловской церкви до такого же разрушенного, точнее сказать, руинированного храма Михаила Архангела в родной деревне Коробово.

Мне и дальше придется немало сожалеть о разрушенных, погубленных и взорванных святынях. И слава Богу, что чем дальше мы будем удаляться на север, тем великолепнее будут памятники отечественной истории, тем больше мы будем дивиться творениям рук наших предков, тем они будут сохраннее.

Это и есть настоящее паломничество к святым местам, тот путь, который мы предпримем в своих странствиях, выбрав всего лишь одно направление, но самое главное, самое сокровенное - северное. Замечательно сказал о нем в своих стихах Александр Яшин:

*С каждым часом оцутимей Север,
Остановки реже,
Гуще лес,
Пахнет смолкой вперемежку
с сеном,
И все больше узнается мест.*

.....
*Дома я!
И сердце бьется с силой.
Мимо, мимо - за верстой верста...
Что кому,
А для меня Россия -
Эти вот родимые места.*

* * *

Дороги в России вообще уникальны. Это - памятники истории, растянувшиеся на сотни километров. Подобный мемориал собираются открыть в московских Сокольниках. Это будет едва ли не единственный в мире музей дороги - «Владимирки», ее крошечного отрезка, с верстовыми столбами, ямскими станциями, трактирами, почтовыми тройками... Но любой музей - это консервация отслуживших свой срок деяний рук (в данном случае - ног) человеческих.

А наша Северная дорога жива. Она не музейна, и те закрытые недавно по обеим ее сторонам монастыри и храмы сегодня вновь действуют. Чудо чудесное произошло! В него мало кто верил, но оно наглядно запечатлено даже в многочисленных синих дорожных указателях: «До такого-то монастыря столько-то километров». Я насчитал до Волги одиннадцать таких табличек.

Северная дорога своим светом разогнала тьму. Более двадцати лет она ассоциировалась со скорбным путем на архипелаг ГУЛАГ. В северное Заволжье и раньше, почти четыре столетия, ссылали за «политику». В монастырях с давних пор имелись тюрьмы для государственных преступников, располагавшиеся в холодных каменных мешках. И до сих пор в Кирилло-Новозерском монастыре на Огненном острове, который особо почитал Петр Первый и снимал в «Калине красной» Василий Шукшин, находится тюрьма-«пятак» для особо опасных пре-

ступников, смертная казнь которым заменена на пожизненное заключение.

В трагическом XX веке в бывших монашеских обителях свили свои гнезда советские лагеря и пересыльные пункты. Всем известен СЛОН - Соловецкий лагерь особого назначения. Но мало кто знает, что более древний Спасо-Прилуцкий монастырь под Вологдой, основанный одним из любимых учеников и собеседников Сергия Радонежского преподобным Димитрием Прилуцким, в начале 30-х годов служил главным пересыльным пунктом для десятков тысяч крестьян с южных земель, в основном украинских. В трилогии Василия Белова «Час шестой» их мучения описаны с потрясающей художественной силой. Но рукой писателя водили не злоба и не месть, а христианское сострадание к жертвам жестокого времени. Впрочем, это характерно для лучшей русской литературы, тем-то она и сильна, этим и противостоит литературе социально-политической злобы и ненависти.

Поэтому согласимся, что всеохватный «архипелаг» - всего лишь художественная гипербола и политизированное преувеличение. Не безжалостный вологодский конвой правил в северных краях, а царствовал святой подвижник, жил добрый и трудолюбивый крестьянский люд. Этой - истинно светлой - стороне Северной дороги не придавали должного значения, она не описана в литературе, а если кто и старался ее отобразить, то в основном фрагментарно, от границы до границы той или иной области.

Заволжье со времен церковного писателя середины XIX в. А.Н. Муравьева стали называть «Северной Фиваидой» - землей монашеского подвига, краем сокровенных молитвенников, среди которых подвизались более ста тридцати святых Русской Православной Церкви и местночтимых праведников. Вологодская земля получила название Фиваиды по аналогии со знаменитой египетской пустыней, где находили спасение первые

христианские монахи-анахореты. Но далекие египетские пески - это не белошныи боры, населенные пушным зверем, не заливные тучные пожни со стогами-великанами, не реки и озера с особо ценными породами рыб. Северные монастыри, как было доказано отечественными историками, стояли во главе хозяйственного освоения огромных пространств земли. Крестьянский труд был почетен как для монаха, так и для «монастырщины» (так называли у нас монастырских крестьян). Иноки одной рукой вели плуг, а в другой несли крест.

Спасительность северного направления для Руси очевидна. Весь этот путь пронизан Фаворским светом. Он, этот свет, в чистейших гранях архангельских и вологодских алмазов, в огненных плавках доменных печей «Северстали», в светлых водах рек и озер. Он - в белых туловах храмов Каргополя и в тишине болотной Нило-Сорской пустыни, в матовых красках Дионисия и в ярких иконных ликах, в речи местных жителей, в их песнях и частушках, в белизне берез и в серебристости изб; он - в белых наличниках, в кружевных подзорах и в солнечных рассветах и закатах. Этот Божественный свет от первого Слова в поэзии Яшина, Рубцова и Александра Романова, в прозе Василия Белова, в стихах Ольги Фокиной, Нины Груздевой и Сергея Чухина, в исторической прозе Ивана Полуянова и Александра Грязева, в музыке Валерия Гаврилина, в солнечных полотнах Валерия Страхова, Евгения Соколова и Джанны Тутунджан, в публицистике Роберта Балакшина, Александра Цыганова и Дмитрия Ермакова.

Воистину - северный свет во тьме светит, и «тьма его не объят».

В начале 70-х годов XX века, попав не без влияния эмоционального порыва в Троице-Сергиеву лавру и, как оказалось, на монастырский праздник Святой Троицы, я был поражен рассказами и видом православных странников, сидевших в кругу немно-

гочисленных слушателей невдалеке от Святого колодца и повествующих о чудесах и знамениях в их такой далекой от всех нас жизни. Чем-то очень старинным и родным повеяло на меня, и до сих пор их рассказы памятны мне, как сильные жизненные впечатления.

Через несколько лет я в декабрьскую темень и метель вновь оказался вместе с Александром Грязевым в теплом Троицком храме у раки преподобного Сергия. Стоя в колыхани сотен свечей, отогреваясь не столько телесно, сколько душевно, Александр Алексеевич как бы про себя, но слышимо сказал: «Пока будет это место на Руси, и страна будет жить».

Что ж, вот и самому пришла «пора пройти по дороге предков, от могилы к могиле, от храма к храму...», как советует А.А. Мацукевич, автор путеводителя «Дорогой богомолья» (1998). Но присмотримся сначала к тем, кто уже многие века шагал по ней - к паломникам, странникам и каликам переходим.

БОГОМОЛЬЦЫ И СТРАННИКИ

«...Я же ходил и по темным дорогам Севера, и по белым дорогам Юга. Я доверчиво говорил с людьми, и люди доверчиво отвечали мне, и Христос невидимо ходил с нами. Чужие поля были мои поля... Шаги встречного на глухой дороге были шаги моего товарища по жизни, и не было от них страха. И ночлеги в полях, и ласковость родной речи... Правила всем и всеми старая, мудрая Жизнь-Хозяйка!..»

Иван Шмелев

Для тех, кто замыслил «стяжание Духа Святого», по выражению преподобного Серафима Саровского, богомолье представляло собой необходимую жизненную цель. Это был своеобразный обет, не терпящий бытовых или семейных отлагательств. Обычно на поклонение православ-

ным святыням собирались всей семьей, заранее предвкусывая особую атмосферу молитвенного благоговения. Сборы в паломническую поездку, само богомольное путешествие с психологической достоверностью описаны в замечательной книге Ивана Шмелева, так и названной - «Богомолье». Вся она пронизана одним чувством, которое можно назвать душевной трепетностью, тем более, что рассказ в ней ведется от лица мальчика.

И вот спустя десятилетия этот мальчик, ставший известным русским писателем, оказавшись в постылой эмиграции без особой надежды вернуться в ту Россию, которая осталась, как в сказочном сне, за горами, за долами, написал полную поэзии книгу о своем детстве и вспомнил в нем счастливую поездку по Святой дороге в Троице-Сергиеву лавру к преподобному Сергию.

Ностальгическое восприятие Родины в книге было столь сильным, что другой писатель-эмигрант, философ Иван Ильин, в те же 30-е годы откликнулся на нее восторженным отзывом.

«Богомолье! - восклицает Иван Ильин. - Вот чудесное слово для обозначения русского духа... Как же не ходить нам по нашим открытым, легким, разметавшимся пространствам, когда они сами, с детства, так вот и зовут нас - оставить привычное и уйти в необычайное, сменить ветхое на обновленное, оторваться от каменеющего быта и попытаться прорваться к иному, к светлому и чистому бытию; отойти странником в новую страну, где по-новому увидеть Бога и в земном, и в небесах и, вернувшись в свое жилище, обновить, освятить и его этим новым видени-

Михаил Нестеров. «ЛИСИЧКА». Вот так и ходили богомольцы по всей

ем?.. Нам нельзя не странствовать по России: не потому, что мы «кочевники» и что оседлость нам «не дается», а потому, что сама Россия требует, чтобы мы обозрели ее, и ее чужда, и красоты и через это постигли ее единство, ее единый лик, ее органическую цельность; и более того: чтобы мы научились, созерцая ее, видеть Бога - и в ее природе, и в ее истории, и в осевших гнездах ее праведности (от Киевской лавры до Китежа, от Соловков до гор Кавказа)».

Мечта вела русских людей по дорогам Руси. Мечта о волюшке, о славленной долюшке, о подвигах и славе. Мечта о правде. «А в жизни счастья нет, - сказал А.С. Пушкин, - а есть покой и воля». Но и за двинскими землями Заволочья, за просторами коми пармы, за Камнем, то есть за Уральскими горами, и в Сибири-матушке не являлось русским ни того, ни другого, ни третьего. Зато оставалось брожение в крови, вечная погоня за ускользающей Белой зарей, мерещился путь встечь солнцу.

«Да, - продолжаю цитировать Ивана Ильина, - богомолье искони было на Руси началом просвещения и духовного очищения. Не только потому, что древние монастыри были

живыми очагами и праведности, и образованности, но и потому, что русский человек, уходя к святым местам через леса и степи, «уходил» ко святым местам своего личного духа, пробираясь через чащу своих страстей и через пустоту своей религиозно еще не возделанной души... Однажды приходил миг, когда он постигал, что быт засасывает, как болото... В этот миг душа его просыпалась, как бы откликаясь на неслышимый зов. Он постигал, что надо хотя бы на время оторваться, сложить с себя всё и уйти в богомолье, к богомолию. Он делал усилие, вырываясь из тисков обыденной полуслепоты, и шел вдаль добывать себе трудами, лишениями и молитвами доступ к святости и к Богу.

Богомолье! Оно выражает самое естество России - и пространственное, и духовное... Это ее способ быть, искать, обретать и совершенствоваться. Это ее путь к Богу. И в этом открывается ее святость».

С 1998 г. юные почитатели таланта великого русского писателя со всей России каждый год отправляются в путь от Москвы к Троице, называя свои походы «Тропинками богомолья». «Сама атмосфера Троице-Сергиевой лавры, - как пишет одна из юных богомолок Галина Г. в своем путевом дневнике, опубликованном в Интернете, - буквально насыщенная любовью, не может не подействовать умиротворяюще».

Вот и сказано в детском простодушии главное слово для мироощущения тех, кто отправляется в путь к родным святыням: любовь. Любовь рождает веру, а вера - это поиски мыслимого спасения в евангельской духовности, в народной общности, в душевной близости. Вера, как и любовь, была и в понимании преподобного Нила Сорского, «одного из главных деятелей», по словам Н.И. Костомарова, русской истории, сугубо личностна.

Мне думается, что эту вольную веру искали православные богомольцы, когда отправлялись в свой путь-дорогу. Хоть и на время, на три дня,

которые занимало богомолье в лавру, на неделю, на месяц, как в паломничестве к далеким северным монастырям, но это счастье несказанное, это «оставление всего, что в отечестве сопротивляется нам в стремлении к благочестию», как замечательно сказал Иоанн Лествичник.

Счастлива страна, как это и ни парадоксально сегодня звучит, когда ее населяет народ с такой глубокой личностной свободой, с такой верой, которая, как птица Феникс, оживает, лишь окропишь ее святой водой. Насильем не заставишь быть набожным.

«Люди уходили как бы в религиозное науение, - пишет Иван Ильин. - Легкие, сермяжно-лапотные, беззаботные, забвенные, с открытой для всяческого совершенства душой (выделено мной. - В.Д.), по-новому благодатно видящие солнце, и цветы, и овраги, и строгий бор; по-новому внимающие и всякому слову сердечному, верующие всему чистому, «чующие святое сердцем» (Шмелев), они шли по всей Руси, и не было им «пути далекого» (Некрасов). Они учились религиозно созерцать, молиться и постигать тайну праведности, они вживались сердцем, воображением и волею в душевный уклад и облик чтимого святого, в обитель коего вела их дорога. Они становились «как дети»; а «таковых есть Царствие Божие» (Марк X, 14)».

Меня поражают свидетельства о паломничестве в глухие северные монастыри в конце XIX - начале XX века. Десятки тысяч крестьян приходили поклониться мощам местночтимых святых. Оставив свои повседневные сельские заботы, прошагав многие версты от родных деревень и сел, стически перенося все дорожные трудности и бытовые неудобства, они ночевали под открытым небом, дожидаясь утренней службы, чтобы поставить свечку перед ракой чудотворца.

Соловецкое паломничество в XVIII - начале XX века также приобрело массовый характер, о чем сообщал еще олонецкий губернатор, знаменитый российский поэт Г.Р. Державин

вин. Монастырю даже пришлось завести свой флот. С паломниками добирался до Соловецкого монастыря в июле 1901 г. художник М.В. Нестеров, певец монашеской жизни, оставивший об этой поездке интересные воспоминания. В частности, он писал, что соловецкие монахи, выходящие из северного и сибирского крестьянства, - «народ крепкий, умный, деловой, они молились Богу в труде, в работе». В тех же воспоминаниях Михаил Васильевич рассказал об «институте так называемых годовиков», встречающемся только на Соловках. Паломники привозили с собой подростков лет двенадцати-шестнадцати, «вымоленных у Бога» - родившихся после долгого бесплодия, тяжелой болезни и т.п. Мальчиков оставляли в обители на год, с весны до весны, «определяя к какому-нибудь занятию: в певчие, если был голос, слух; в типографию, в поварню, в иконописную мастерскую или еще куда. Там наблюдали за годовиком, за его способностями». Найдя у того или иного мальчика талант или необычайные способности, монастырь предлагал оставить его еще на год. Родители сами решали, как им быть. Те, кто оставался надолго, позднее вливались в монастырскую братию, доходили до высших ее чинов, становясь в том числе и настоятелями знаменитого монастыря.

Соловки стали наиболее почитаемым местом для православного паломничества. «На борт монастырских пароходов, - пишет исследователь церковной жизни России в XIX - начале XX века. П.Н. Зырянов, - поднимались верующие люди не только с русского Севера, но и из Центральной России, Сибири, Украины и Грузии. Некоторые из них были в пути более года».

Соловецкое монашество являло собой, кроме «рабочего» характера, воспитанного на крестьянских традициях, еще и особый личностный статус. Василий Шукшин, по рассказам, предполагал закончить фильм «Степан Разин» именно на Соловках,

и такой сценой: к могучим стенам обители подходит седой паломник и встречающему его игумену говорит, что он с радостью выполняет обет, данный Степаном Тимофеевичем, который просил передать обители свой вклад. «Что ты, спаси тебя Бог! - удивляется игумен. - Разина уже год как казнили!» Но паломник, беспешно развязывая котомку, достает большое золотое блюдо. Луч солнца мгновенно бьет в его поверхность, и киноплёнка засвечивается. Традиционного конца у кинофильма, как и у судьбы крестьянского бунтаря Степана Разина, по мысли Шукшина, не было.

Крестьянские богомольцы добирались до святых обителей в основном пешком, лишь зимой, в морозы, пользуясь лошадьми. Смысл паломничества заключался в том, чтобы путь был многотрудным, чтобы в дороге пришлось испытать естественные препятствия и сложности. Но какого-то истового фанатизма не наблюдалось. Русский человек даже в вере соблюдал золотую середину. Ему были, мягко говоря, непонятны обычаи, к примеру, католического паломничества, которое я наблюдал у монастыря в Ясной Гуре, куда стекались католики на поклонение чудотворной Матке Боске Ченстоховской. По камням к Святым воротам на коленях, разбитых в кровь, ползли тысячи паломников, чтобы своими физическими страданиями искупить грехи перед Богом.

Православному паломнику не возбранялось достичь святого места на пароходе или на поезде. Сегодня паломники ездят к монастырям на автобусах и машинах. Конечно, пройдя путь пешком, и впечатление будет иным, нежели когда подъезжаешь к Троице-Сергиевой лавре на автомобиле или на электричке. Как пишет со святой простотой та же маленькая паломница Галина Г., «нужно и потрудиться, зная, что тогда молитва слышнее и благодать обильнее».

Богомолье - это не экскурсия, не праздное времяпрепровождение, не

развеселая поездка. Это - немалый труд души.

Богомолье являлось личным обетом каждого православного человека. Помолиться перед святыми мощами - значит оказать духовную помощь родному или близкому человеку, за которого просишь, правильно «настроить» свою душу, решиться на тот или другой важный жизненный шаг и поступок.

В разных религиях паломничество к святыням проявлялось по-разному, но суть его была и остается приблизительно одна и та же. Другое дело - странничество. Это специфически русский духовный подвиг, который выражал глубокие национальные черты и потребности. «Все странники связаны с дорогами, знают завораживающую силу путей Руси, - пишет исследователь странничества священник Сергей Сидоров. - Дороги, перелески, тихие предрассветные зори, суровые бури одинаково встречали их, одинаково пели им свои песни... И они возлюбили эти голоса Руси, они предались дороге до конца, предались, исчезнув в ее нескончаемых далях. Дорога встречает вступающих на путь страннический, манит к себе душу, вкусившую тревоги исканий».

В русской духовной жизни земные пути человека были так широки, как нигде в мире. Здесь и подвиг юродства (святые блаженные имеют только в православии), и высокий подвиг монашества, и подвиг калик переходящих, этих паломников-профессионалов. Зачем же привилось у нас еще и хождение с нищей котомкой, в которой ломоть хлеба да Евангелие? Да еще с отказом от всего, что было дорого, что существовало в прошлой жизни.

Меньше всего в русском странничестве нужно видеть какую-то сентиментально-мистическую Русь. Странничество почти всегда, мягко говоря, не поощрялось властями. Полиция преследовала «беспачпортных», считая их бродягами и проходимцами. Какое-то количество таковых в среде странничества имелось, иные, всту-

пившие на путь скитаний, искусно маскировались, скрывая свое тунеядство, но не они составляли существо этого духовно-социального явления. Святитель Игнатий (Брянчанинов) справедливо полагал, что при обращении к странничеству необходимо исходить из внутренних побуждений человека. В одном из своих «Писем к мирянам» он говорил: «Ощущение странничества не есть фантазия, но есть следствие размышлений, не есть умствование, это невольное чувство сердца, движущееся само по себе, независимо от нашего произволения. Это голос благодати, сообщенной нам святым крещением».

Не так-то было легко, особенно в прошлом, когда человека подстерегали в жизни немалые опасности - эпидемии, войны, голод (мор) и холод, когда семья являлась лучшим укрытием от всех напастей и нестроений, бросить или спокойно (возможно ли такое?) оставить привычный жизненный уклад и уйти в неизвестность, в темноту, начать бездомно скитаться, собираясь Христа ради... Такой подвиг не многим был под силу, тем большее уважение и сочувствие он ответно рождал. Странников на Руси любили, их почитали, им всячески помогали, их жалели. «Странничество произошло из подвига паломничества, - пишет Сергей Сидоров, - из желания посетить места, освященные стопами Спасителя, Божьей Матери и святых, из желания приобщиться святости места». И далее уточняет: «Взяв начало от подвига паломничества в святые места, подвиг странничества провозгласил святость всего мира. Странники не знают в пределах этой жизни цели своего странствия... Подвиг страннический учил о полной нищете, он восхвалял свободу от предметов, или, говоря словами одного странника, «всего человека обнажал, дабы не думал о богатстве своем».

Странничество явилось ответом на рационализацию жизни в годы после петровских реформ, на монастырские утеснения со стороны властей. В

странничестве отразилась тоска по временам расцвета русской святости, ностальгические переживания по потерянной Святой Руси.

И все-таки в этом явлении сокрыта некая иррациональная тайна. Не случайно, что образ странника привлекал к себе внимание выдающихся русских писателей и художников. Они странничество считали выражением русской души, которая постоянно мечется, сомневается, ищет идеал, мечтает о возвышенном, не находя его нигде в мире. Странники отрицали определенные границы разумного поведения, шли наперекор судьбе, в своем подвиге умаляли всякое тщеславие, смиряли гордыню, боролись со страстями. Странник искал трудностей, не боялся невзгод, постоянно был готов пострадать за веру и за други своя. Он не был фанатиком, мракобесом или нравов учителем. Он совершал свой тихий жизненный подвиг, уверовав, что в этом и заключается призвание его, как человека, как гражданина, как твари Божией. В своем нищенстве он смирял себя, терпеливо унижая свое достоинство, считая его низменной страстью, но в поклонении природе возвышал свой дух. В бездомности претерпевал мыслимые и немислимые неудобства, но в разнообразии встречаемых человеческих судеб и посещающих его откровений по причине своей «инакости» обогащал свой внутренний мир.

Среди странников встречались настоящие мудрецы и пророки, многие являлись хорошими психологами. Известный странник XVIII века. Николай Матвеевич Рынин, некогда вологодский богач, но потом раздавший всё свое состояние нищим, никогда не ночевал второй раз в доме тех людей, которые его приветливо принимали, а ходил к людям, где ему было тяжело и плохо. Странник того же времени князь Дмитрий Чегодаев, также отринувший огромное богатство, после тяжелой болезни ударившийся в хождения по русским дорогам, любил спать вместе с собаками на гнилой соломе, побирался, не входил в храм

за грехи свои дальше притвора. Странник уже другого времени, начала XX века, Василий Петрович Рогович, питаясь чем Бог послал, не принимал, даже будучи смертельно больным, воду и хлеб: «Не смею принимать, недостойн».

В своем смирении, крайнем аскетизме, полном нестяжании русские странники доходили до подвига полного разрыва с прошлым, подвига, как его называет отец Сергей Сидоров, «скидывания» имени, когда человек решается на немислимое: ради искупления грехов прошлой жизни создать новое бытие и разрушить весь прежний свой мир, «забыть» его, начать с начала.

Ореол «Божьих людей» создавал им славу; их непонятная, но притягательная для многих жизнь вносила некую надежду и рождала беспомощность и смутную тревогу, заставляя постоянно встречаться с этими «странными людьми», вспоминать их вскользь оброненные слова, придавая им некий «неземной», вещей смысл.

Существуют ли сегодня странники, жива ли еще эта традиция, вдохновляет ли кого подвиг блуждания со смирением по миру? В 70-х годах, как я уже писал, встречались мне в Троице-Сергиевой лавре эти странные люди, слушал я их рассказы. Верю, что бредут или едут они по российским дорогам и сегодня, являя пример стойкой веры, когда смирение человека рождает духовное прозрение, которое мы так стремимся хоть на миг ощутить в своем паломничестве к монастырям России.

МОНАСТЫРИ И МОНАХИ

...Только что мы вернулись из поездки в знаменитую Оптину пустынь. Стоял один из первых июньских дней, когда лето приходит как бы враз, неожиданно после холодной весны. Еще с утра чуть дождило, прохлада позволяла спокойно обойти все храмы и почитаемые могилы Свято-Введен-

ской Оптиной пустыни, но к полудню распогодилось, небо очистилось, и солнце стало нагнетать жар, с каждой минутой все более и более ощущаемый. Наступил настоящий летний зной, и только сосновый бор, под сенью которого оказались мы, направляясь от Святых ворот монастыря в знаменитый Оптинский скит святого Иоанна Предтечи, спасал нас от неистового солнцепека.

Монахи позволили нам зайти в келью преподобного Амвросия. Небольшая по размеру, но необходимая только для аскетического молитводействия и приема богомольцев, она производит сильное впечатление. После жары я прижался к прохладному боку кафельной печки, стоя у накрытой домотканым половиком кушетки, где возлегал несколько десятилетий по своей телесной немощи преподобный.

Нет, я не видел здесь, в этой светлой комнате, примет глухого затворничества, не смог представить картин измождения плоти. В два больших окошка лился солнечный свет, нежно шелестела в открытые форточки июньская зелень. Было тихо, сосредоточенно и прохладно. С прижизненного портрета на противоположной стене взирал на меня добрый, укрепляющий дух старец. Он прислонил голову к горке подушек и всем своим направляющим видом скорбно вопрошал: «Почему человек занимается самооправданием, обвинением других? Всё это большой грех, он не успокаивает нас, а лишь более возмущает наш дух».

Старчество - особый дар сострадательной, жертвенной любви. Все наши горести и нестроения старцы воспринимают как свои собственные. Русский человек так уж устроен, что ему хочется высказаться, исповедоваться, быть выслушанным. Молчит-молчит, а потом как прорвет - душа может излиться любому встречному человеку.

Поэтому расцвет старчества приходился на время, когда портились нравы в обществе, низко падала мораль, человек чувствовал себя как бы

не в своей тарелке, им овладевало чувство, состоящее из безысходности, тоски и неверия. Мне думается, что с духовным ростом нашего монашества образуются и современные духовные учителя-старцы. «Не всякий, кто стар летами, уже способен к руководству, - учил преподобный Петр Дамаскин, - но кто вошел в бесстрастие и принял дар рассуждения».

«Дар рассуждения» в старчестве замечательно сочетается с умалением всего земного, дальнего, ради небесного, горнего. «Мы должны жить на Земле так, - говорил преподобный Амвросий, - как колесо вертится: только чуть одной точкой касается земли, а остальными непрерывно вверх стремится; а мы как заляжем на землю - и встать не можем».

Инакость (отсюда иноки, те же монахи) монашеского общежития для многих современных людей во многом загадочна. Воспитанные в рациональной жизни, они не понимают и, главное, не стремятся даже понять: зачем это нужно, какая от этого польза, что здесь духовного? Более того, как я не раз убеждался, и многие паломники ощущают существо монашеского служения скорее эмоционально, нежели могут его внятно объяснить, то есть не имеют «дара рассуждения», о котором упоминалось выше.

Прочитав многие книги по истории монашества, «проездившись», как говорил Гоголь, по монастырям, побывав в паломнических поездках, я здесь должен популярно поведать хотя бы о внешней стороне монашеского служения (а внутренняя сторона - это настоящая вселенная духа) и о внешних приметах обустройства монастырской жизни.

Вкратце поведать о практике монашеского жития мог бы и аз, грешный, что и собирался сделать, обложившись горой разного рода изданий, словарей, энциклопедий. Но здесь мне и, верю, моим читателям повезло. Я открыл автора-монаха, нашего современника, самолично взявшегося рассказать: что же это за такой духовный феномен - монашество, почему землю русскую украшают сотни прекрас-

ных монастырей? Я с превеликим удовольствием прочитал этот небольшой экскурс, принадлежащий перу иеромонаха Тихона (Полянского), и опубликованный в книге «Путешествие в историю русских монастырей» (2002).

Не нужно искать для паломников лучшего путеводителя, тем более что рассказ монастырского экскурсовода отличается словесной живостью, он изнутри освещен тем светом, в поисках которого мы идем или едем по нашей дороге.

«Христианское монашество возникло в IV веке в Сирии и Египте. В те же времена оно стало широко распространяться по Средиземноморью. Вместе с приходом христианства в X веке монашеская жизнь начинается и на восточнославянских землях. Первые монастыри появились на Руси в то время, когда монашество уже прошло долгий исторический путь развития. В крупнейших центрах монастырской жизни - в Египте, Палестине, на Святой Горе Афон, в Константинополе - были разработаны своеобразные правила подвижничества, оформленные в разных уставах монастырской жизни. В основном по уставам известно три главных типа организации монашеской жизни: анахоретство (отшельничество), киновия (общественное) и средний путь, называвшийся лаврским, царским или золотым. Русским подвижникам предстояло приобщиться к этому духовному опыту и самим выбрать наиболее близкие формы монастырского уклада.

Основателями первого большого монастыря на Руси, который признается древнейшей русской обителью, были преподобные Антоний и Феодосий Киево-Печерские. Примечателен тот факт, что они носят имена отца египетских анахоретов: преподобного Антония Великого и учителя палестинских киновитов преподобного Феодосия Иерусалимского. Это совпадение символически возводит истоки русского монашества к прославленным временам первых подвижников. Знаменитая Киево-Печерская обитель стала подлинной колыбелью рус-

ского общежительного монашества. Наряду с ней возникали и расширялись другие монастыри в разных уголках Русской земли. По данным современных ученых, на Руси в XI веке возникли 19 монастырей, еще как минимум 40 - в XII веке, за четыре десятилетия XIII века появились еще 14. Кроме этого, по некоторым сведениям, в домонгольский период были основаны еще 42 монастыря. То есть накануне татаро-монгольского нашествия общее число монастырей на Руси равнялось 115.

На Москве первые монастыри появились уже в XIII веке. В то время каждый удельный князь в любом из городов Северо-Восточной Руси старался украсить свою резиденцию хотя бы одной обителью. Город, особенно стольно-княжеский, не считался благоустроенным, если он не имел монастыря и собора.

Монастырь представляет собою общину монахов - братьев или сестер. Монах в переводе с греческого - «одинокий» или «отшельник». На Руси монахов часто называли иноками, то есть «иными» людьми, по образу жизни отличающимися от других. К русским названиям монахов также относится обозначение «черноризец» или «чернец» (это обращение приобрело уничижительный оттенок), по цвету носимой монахами одежды... Друг друга монахи называли «брат», а к тому из них, кто имел священный сан, обращались «отец».

Свою жизнь монахи посвящают исполнению заповедей Господних и дают для этого при пострижении особые обещания. Эти обещания, или обеты, требуют от подвижника целомудрия, добровольной нищеты и послушания своему духовному наставнику для достижения христианского совершенства. После пострижения монах постоянно живет в монастыре. В постриге иноку дается новое имя, подвижник как бы рождается новым человеком, освободившимся от прежних грехов и начинающим тернистый путь духовного восхождения к Богу.

Продолжение следует.

Никольская башня
Московского Кремля.
Начало XX в.

**ВАДИМ
ДЕМЕНТЬЕВ**

ПО СЕВЕРНОЙ ДОРОГЕ

Никольская башня
Соловецкого монастыря

Продолжение. Начало в «Вологодском ЛАДЕ» № 2

Монастырское бытие по своему идеальному содержанию противостояло алчности, корыстолюбию и стяжательству окружающего мира. Как сказал апостол, где умножится грех, там преизобилует благодать.

«Чтобы оценить значение монастырей в русской истории, - пишет современный историк и издатель Д.М. Буланин, - следует учитывать существенные отличия самого института монашества, каким он сложился в процессе христианизации Руси, от монашеских орденов католического Запада и живущих в пустыне восточных анахоретов. Русский инок гораздо больше был открыт для мирской жизни, благочестивые подвиги русских отшельников в непроходимых лесах часто ничем не отличались от трудов крестьянина в его каждодневном поединке с суровой северной природой... Исторические судьбы допетровского православия в значительной степени сводятся к истории русских монастырей, а известные нам памятники допетровской культуры суть по преимуществу памятники монастырской культуры. Следов внецерковной жизни наших предков сохранилось ничтожно мало. Напротив, все прославленные сооружения древнерусских зодчих - это монастырские строения, все шедевры древней монументальной и станковой живописи украшали монастырские храмы, а все дошедшие до нас средневековые книги раньше или позже находились в монастырских книгохранилищах. Од-

ним словом, немыслимо писать русскую историю, если не знаешь истории русских монастырей».

Русскому человеку, всегда тянувшемуся к духовному и нравственному идеалу, в душе всегда осознававшему, где добро, а где зло (глубокая, однако, национальная черта, давшая исток чувству справедливости, столь присущему нашему народу), монашеское существование в своей классической форме виделось ярким примером святости жизни, которой при желании может достичь каждый. Здесь не делалось даже сословных различий, которые регламентировали «мирское» существование. Из Оптиных старцев преподобный Лев был выходцем из купеческой семьи, как и преподобные Моисей, Антоний, Анатолий, преподобный Макарий - из орловских дворян, преподобные Амвросий, Илларион, Иосиф, священномученик Исаакий - из крестьянского сословия, другие старцы - из небогатых семей. Единые в Боге, они едины в нашей благодарной и молитвенной памяти.

К ним, к ним и к подобным им святым отцам идем!

ПО СВЯТОЙ ДОРОГЕ

**Мы - на святой дороге,
и теперь мы другие, богомольцы.**
Иван Шмелев

Одна из моих любимых русских загадок звучит так: «Лежит брус во

всю Русь. Встанет - до неба достанет». Что это? - спрошу читателя. И отвечу, видя, что ответ не так-то прост: «Дорога». В рифмованной загадке таится многозначный смысл. С одной стороны, слышится гордость за большие расстояния родной земли, а с другой, очевиден порыв к далям, к чему-то неизведанному и таинственному.

Все дороги на Руси имели сакральный смысл, нами, увы, забытый. Страннический и беспокойный характер русской души отразился в витиеватом дорожном кружении, в многочисленных росстанях (развилках), в неожиданных отворотках, вливающих в главный путь. Казалось бы, что проще - спрямить дорогу, сделать ее рациональнее, сократив тем самым расстояние. Так нет же - петляет дорога от деревни к деревне, будто боясь оставить что-то живое в стороне, взбегает то на гору, то, отвесно устремляясь вниз, спадает к оврагу или к реке.

Русский человек вовсе не из-за своей лени или неумения работать, а с умыслом вписывал дорогу в рельеф родной земли. Она создавалась не для больших скоростей, а несла в себе созерцательный искус, ее и оформляли в надежде на раскрытие красоты природы и показа творений рук земных. Храмы, например, ставились на дорожной перспективе. С приближением к ним они, видимые еще издали, как бы раскрывались в своем стремлении к небу, постепенно вырастали, забирая тем самым всё внимание проезжающих. Купы высоких деревьев также служили, в свою очередь, природными ориентирами. Их старались не вырубать, а наоборот, высаживали в деревнях. Разве не щемило сердце, когда, возвращаясь из дальних странствий, еще раньше всех других видов, памятных с детства, - полей, пригорков, узнаваемых родных крыш изб - на горизонте вдруг показывались кроны высоких деревьев?!

Писатель Василий Белов о такой одухотворенной красоте дороги писал так: «Человеку все время необходимо было идти (хотя бы и за грибами),

нужно было ехать (например, за сеном), и он вытаптывал тропу, ладил дорогу. Нередко дорога эта бежала по пути с речною водой... Дорога стремилась быть короче и легче, да к тому же тот берег почему-то всегда казался красивей и суше. Не раз и не два ошибалась дорога, удлиняя свой путь, казалось бы, совсем неуместными переправами! Но от этих ошибок нередко душа человеческая выигрывала нечто более нужное и неожиданное. Незримые лавы ложились как раз на пересечениях материального и духовного, обязательного и желаемого, красивого и необходимого».

Те, кто торил дорогу, заботились не столько о себе, сколько о других людях. Чтобы им было приятнее и веселее идти и ехать, чтобы они не очень уставали в пути, а если и натружали в многочасовых переходах ноги, то легко бы находили место, где можно отдохнуть, посидеть, попить воды у родника, куда дорога обязательно сворачивала. Человек бескорыстно и заботливо помнил о другом человеке, и русская дорога лишь подчеркивала эту удивительную доброту.

Мои северные полустанки, пристани, росстани, отворотки больше говорят о живущих здесь людях, нежели многочисленные книги и статьи искусствоведов, психологов и этнографов. Эти дорожные знаки - древние письма, которые мы научимся читать, если останемся живы.

Северный путь для поднимающейся столицы нашей Москвы был спасителен и в силу экономических причин. По нему Московское княжество получало единственно котируемую тогда валюту - меха пушных зверей (в основном бобров и куниц), которыми в качестве дани расплачивалось с ханами, накапливало их свободные резервы, требуемые для экипировки войска, строительства соборов и каменных палат, стен и башен Московского Кремля, закупки в европейских странах необходимых товаров и т.п. По Северному пути привозился и другой редкий и дорогой товар - соль с варниц в Тотьме, в Сольвычегодске, из Соловков. Отсюда, от лесов неме-

ренных, везли смолу и деготь.

Этот путь был и рыбным. Мы знаем, что с рыбным обозом пришел в столицу из Холмогор Ломоносов. Такие же обозы двигались в центральные княжества еще во времена Дмитрия Донского, а может, и его деда Ивана Калиты. Ловлей на северных езах - бревенчатых частоколах, перегораживающих

Михаил Нестеров. «Молчание»

путь нерестящейся ценной рыбе - московские князья особо дорожили, их завещали своим преемникам в духовных грамотах.

Северный путь на протяжении столетий также считался «окном в Европу». Не Петр Великий его прорубил, а те, кто освоил земли по Белому морю, откуда товары переправлялись в европейские страны в обмен на грузы, необходимые нам, русским.

Еще собиратель земель, московский князь Иван Данилович Калита, понимал значение Севера для Руси. В конце своей жизни он «прикупил» древнее Белоозеро, таким образом, глубоко вторгся в исконно новгородские владения. Путь к берегам Белого озера лежал через земли Ярославского княжества, с владельцами которых москвичи по своим родственным связям всегда имели добрые отношения, числясь с ними и в ратных, и в политических делах «заодно».

Таким образом, для Москвы открылся путь к верховьям Волги, и через переправу у Ярославля на север, через вологодские леса и болота к берегу Кубенского озера, где также располагались волости Сяма и Тошня, которыми владели московские князья со времен сына Ивана Калиты великого князя московского Ивана Ивановича, прозванного в истории Красным.

Отсюда выходит, что мы, коренные вологжане, являемся самыми что ни на есть истовыми государственниками, первостроителями Русского царства-государства, исторической осно-

вы нынешней Российской Федерации. Мы вместе с потомками, вылетевшими из гнезда Ивана Калиты, его строили, расширяли, укрепляли, защищали. Такое осознание ведущей роли в домостроительности страны (в словах «страна» и «строить» - один корень) - в крови, в генах вологжан, всегда бывших «заодно» с Москвой. Отсюда, кстати, большой слой служилых людей, выходцев из вологодских пределов, например, в современном Генштабе Российской Армии во главе с нашим земляком, закончившим кирилловскую школу, генералом армии Юрием Николаевичем Валуевским.

Да-да, из тех семисотлетней давности времен ведет своё исчисление патриотическое чувство ответственности и вины за всё, что происходит с нашей Родиной. И литература наша, в частности, живее всех и ярче других выразила это благотворное и духоподъемное чувство.

Так что Северная дорога - это нитка северного речного жемчуга на женской красе России, на ее лебединой шее. Это неразъемная цепочка, разорви которую - и бусинки-города, села и деревни рассыплются, распадутся поодиночке и затухнут, погибнут, исчезнут в небытии. Северная дорога - это кованный в вологодской кузнице обруч на дубовой московской кадке для хранения богатств родной земли.

Наконец, Северная дорога - это берестяной свиток, на который занесены самые известные русские песни и сочинения.

Он, этот великий путь, выходил отдельным трактом через Никольские ворота Кремля, как я уже писал, по современному Никольской улице и Большой Лубянке, по Сретенке, проспекту Мира (бывшей Мещанской) к Крестовской заставе и шел всё дальше к ельникам и осинникам по Ярославскому шоссе, оставляя на юге широколиственные леса - дубы и клены, вязы и липы. Не напутствовали ли и тогда своих любимых древнерусские жены: «Дорогой, куда поехал?» - «Дорогая, в Вологду», - «Дорогой, не простудися по такому холоду?»

Вы заметили, что и слово «дорога», и обращение «дорогой» - родственные, однокоренные? Еще один старинный знак уважения и почитания, как бы сейчас сказали, к путям сообщения.

Святую дорогу и обустроивали в России первой. К середине XIX века вымостили до Троицкой лавры камнем, а при Иване Грозном отстроили на ней пять царских путевых дворцов: в селе Алексеевском, где находится нынешняя станция столичного метро, на реке Яузе в Тайнинском, на реке Скалбе в Братовщине, в селе Воздвиженском и в самом Сергиевом Посаде. Путевой дворец Ивана Грозного располагался и под селом Кубенским, куда лежит наш путь.

Богомольные походы царей поражали всех, в том числе и иностранцев, своим размахом и пышностью. Секретарь австрийского посольства Адольф Лизек рассказал о богомолье царя Михаила Федоровича в 1635 году. По улицам Москвы впереди процессии под уздцы вели любимых царских коней, за ними следовали инкрустированные золотом крытые кибитки с царскими вещами: от «мовной», где везли походную баню, до мебели - со стульями, столами, шкафами и т.п. Одна из повозок предназначалась для сбора дорожных подарков царю. Сопровождали эту поклажу многие царские слуги - портные, певчие, читавшие во время богослужений псалмы, чистильщики одежды и обуви, шагал со всеми даже врач-костоправ.

За царским добром следовали бо-

лее полусотни лучших рысаков, и, наконец, за ними кольхалась по ухабам царская карета, запряженная аж 12 лошадьми. Всё это блистало золотом и серебром, бархатом и атласом. За запасной каретой спешил отряд стрельцов. Зрелище действительно производило сильное впечатление, и посмотреть на царский выезд собиралась масса народа. Стар и млад высыпал навстречу процессии; царя и свиту угощали пирогами, квасом и медом, а дорогу предварительно чистили и ремонтировали.

По традиции, названия сухопутным путям-дорогам присваивались по их конечному пункту. Сначала северный путь назывался Владимирской дорогой, которая вела из Киева в центр Владимиро-Суздальской Руси. Затем она стала Переяславской по городу Переяславль-Залесский, основанному, как и Москва, князем Юрием Долгоруким. От Плещеева озера, где располагается нынешний район-центр Переславль, она протянулась к Ярославлю.

Куда дорога торилась дальше? Естественно, на Вологду. Затем шла к Белоозеру, где, по легенде, в IX веке правил Синеус, брат Рюрика. И оттуда - на Каргополь, основанный в XII веке.

Когда же к северу от Ярославля возник стопеньник, то есть сухопутный путь? Во второй половине XI века такой дороги не существовало, что косвенно подтверждает «Повесть временных лет» в рассказе о бунте местных жителей во главе с двумя волхвами, которые из Ярославля поднялись к Белоозеру. Их путь лежал по Волге, затем через ее приток - реку Шексну. Восставшие, как видим, пользовались водной дорогой. Таким же путем, очевидно, сюда попал знатный киевский боярин Ян Вышатич, собиравший в этих краях дань для князя Святослава и вступивший в схватку с мятежниками, одержав в ней победу.

По мнению известного археолога Н.А. Макарова, сухопутная дорога в наших северных краях образовалась в XV веке. В одной из княжеских гра-

мот 1492 года действительно упоминается «зимняя дорога Вологодская». Еще раньше, в 1435-1447 годах, в грамоте князя Михаила Андреевича Верецкого говорится о том, что зимники использовались и в летнее время. Из летописей известно, что в том же XV веке сюда отнюдь не по рекам и озерам из Вологды добирались военные рати - войска князя Василия Косого, соперника в межкняжеской войне великого московского князя Василия Темного. Шли они до Кубенского озера по конной зимней дороге.

Раскапывая древнейшие поселения в Белозерье, Н.А. Макаров пришел также к выводу о том, что всадничество на русском Севере (именно в тех местах, где работала его экспедиция) практиковалось как в XI, так и в XII-XIII веках. Если местное крестьянство активно использовало лошадей как рабочую силу, то оно, без всякого сомнения, с помощью тех же лошадей могло передвигаться на дальние расстояния. Понятно, что без дорог такие поездки были бы невозможны.

Трудности прокладки дорог упирались опять-таки в природные особенности северного края. Распутица и бездорожье, болота и многочисленные реки мешали установлению сухопутных путей, вероятно, до конца XIV века. Кое-как проехать сюда из Москвы еще было можно, о чем говорит приход в 1397 году сюда, на берега Сиверского озера, преподобных Кирилла и Ферапонта, которым обоим было под 60 лет. Вряд ли в таком почтенном возрасте они брели шестьсот верст по лесам и болотам. Приехали они сюда явно на конном транспорте. Кстати, Ферапонт посещал здешние края, будучи, как пишет петербургский ученый Г.М. Прохоров, «снабженцем» московского Симонова монастыря.

Когда же все-таки Северная дорога сложилась, определилась в своем маршруте? Мне думается, что она возникла вместе с оттоком населения из центральных княжеств в северные края во времена татаро-монгольского нашествия. На север уходили целыми селениями, не ожидая, пока «по-

ганые» разграбят и уничтожат всё живое.

Историки подсчитали, что в XIV-XV веках северные земли (в основном нынешние вологодские) составляли 60 процентов территории великого княжества Московского. Если придерживаться фактической точности, то это княжество по справедливости надо бы называть Московско-Вологодским, по аналогии с Владимиро-Суздальским. Вот, кстати, почему в эти века многие решающие исторические события для Руси происходили в наших краях: знаменитое «вологодское имание», битва на Кокшеньге, основание многих монастырей, приход в них самых авторитетных в Московии духовных учителей и т.д.

Великий князь московский Дмитрий Иванович Донской прекрасно понимал, что Север для Руси представляет собой крепкий тыл, который необходимо поддерживать и развивать. В этом его убедила и Куликовская битва, когда дружины белозерских и кубенских князей, лучше всех экипированные и обученные, были поставлены на левый фланг русского войска, куда Мамай наносил свой главный удар-прорыв. Стоило им дрогнуть в первые часы, не выдержав бешеного натиска, битва была бы проиграна, не помог бы тогда и засадный полк. Все наши князья и бояре вместе с отборными ратниками полегли смертью храбрых в тот знаменательный для Руси день. Объезжая поле сражения, великий князь, как пишут летописцы, горько заплакал, увидев погибшими смелых бойцов из Вологодчины.

Еще столетие после Куликовской битвы русский народ не мог избавиться от постылой зависимости от татар. Границы удельных княжеств для молниеносных набегов были открыты, всякий татарский князек-авантюрист с небольшим войском мог молниеносно совершить рейд в глубины Московского княжества и уйти с полоном и награбленными ценностями. Тогда-то рука, а по-старинному длань, великого князя Дмитрия Донского и указала путь спасения на север. На это дело

пейцев славянская земля была «землей обетованной», в которой всего было вдоволь. Славяне, свидетельствуют современники, почти не знали бедности».

Восточные славяне, оседлые земледельцы, считались яркими солнцепоклонниками, а не молитвенниками мистическому полумесяцу. Темные леса мы не любили, населяя их в сказках и песнях всякой недоброй нечистью. Кстати, и медведь - это древний финно-угорский символ. Наш «царь зверей» - гордый лев, «лёвушка», как называли его северные крестьяне, красующийся не только на великокняжеских печатях, но и на росписях северных прялок.

Мы любили долины озер (сиречь в тогдашние времена морей), где полно света. Солярный круг - наш символ. Он запечатлен в народном северном искусстве, и в резьбе по дереву, и в кружевном плетении, и в ткачестве. Как солнце свои лучи, тепло, мы бескорыстно, по широте своей просторной (озерной) души отдавали себя, свои знания, навыки, опыт другим народам, отдавали для их спасения последнюю рубашку. Солнечный круг - это распаханность и доверие к миру, это щедрость и хлебосољство, это душевные перепады и мощь характеров, это призыв к подвигу и мужество, это, наконец, вечная неудовлетворенность и поиск нового, неизданного. Он, этот великий символ, противостоит замкнутости и чванству, потребительству и жадности, скрытности и обману. Действительно, мы дети солнца, дети неба, дети света.

В христианстве таинство неизреченного света явилось свидетелям Преображения Христова на горе Фавор, где Спаситель показал свою Божественную сущность: «...И просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мтф., 17, 2). Это мгновенное явление небесного рая на земле, когда «свет и во тьме светится», описанное в Евангелиях, оказало глубочайшее духовное и душевное воздействие на русских людей. Если, думали они, Бог изгнал людей из рая, а не спустил их

на грешную земную твердь, то и самый мыслимый рай находится где-то на земле.

Три монастыря по Северной дороге были поставлены в честь Преображения Христова - и все на островах, на «скалах» (символ горы Фавор) - на озерах Кубенское, Воже и на Соловках. Они вели от «света к свету», когда паломники пытались испытать на себе таинственную силу Божественного сияния. Современный историк из Архангельска Н.М. Терехин в этой связи пишет: «Образ Преображения является центральным символом-иконой исторического движения русского народа, направленного на освоение просторов полуночных стран. По своей глубинной сущности это движение было религиозным исканием «нового неба и новой земли», изображенных в апокалиптических пророчествах Иоанна Богослова. Смысл освоения Севера и заключается в его Преображении...». На носу кораблей древних новгородцев, двигавшихся по рекам, единственным тогда дорогам, навстречу белой заре, стояли иконы Спаса Ярое Око, благодаря которым не превозывались, а преображались северные дали, то есть как бы осенялись Божественным светом.

Вот почему, мне думается, в народном представлении дорога на север стала именоваться Святой. Она застраивалась лучшими и самыми чтимыми монастырями и храмами, вела через древнейшие города, жилищные села и деревни. С течением веков Северная дорога стала не только торговым и военным тыловым путем, но дорогой богомолья, по которой проезжали не только великие князья, а потом и цари, чтобы приложиться к мощам северных чудотворцев, «скорых защитников» перед Богом в молениях о спасении душ, но и простой люд. Конечной точкой этой дороги стал знаменитый Соловецкий Преображенский монастырь.

Таков был промыслительный путь русского богомолья: от Спасского собора на Никольской улице в Москве,

через Спасо-Преображенский монастырь в Ярославле, Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере к Спасо-Преображенскому монастырю на Соловках.

Это был путь спасения русской души.

* * *

Пройдя первый раз этим маршрутом, я был поражен многочисленными совпадениями, общими судьбами, единством разного рода событий и фактов, которые случались и происходили в этих краях. Никому в голову не приходило выстраивать их в одну цепочку. Проходя или проезжая по Северной дороге, если, конечно, двигаться неспешно, с чувством, с остановками, видишь, как едина Русь-Россия, сколь много в ней общего между людьми.

Об этом я начал писать, едва вступив в свою «повествовательную колею», еще на Никольской улице в Москве. Мне и далее придется по ходу путешествия указывать на эти срединия (встречи) людей, эпох и событий. От одного километровой столба до другого, от одной версты до другой.

...Вот паломниками стоим перед огромным образом (высота - три метра) Всемилового Спаса в Воскресенском соборе древнего Романова-Борисоглебска, названного в XX веке Тутаевом. Потемневший от времени лик Христа как бы вопрошает: так ли ты живешь, как Я тебе заповедал?

Неужели этот могучий по силе живописный образ создан преподобным Дионисием Глушицким? Святой этот - наш, кубенский. Жил и творил на удельных землях ярославских князей, и поэтому образ Всемилового Спаса его кисти вполне мог оказаться в поволжских краях.

Или другой факт, связанный с тем же борисоглебским Воскресенским собором. В 30-е годы он принял духовных детей репрессированного архимандрита Никона (Чулкова), последнего настоятеля Павло-Обнорского монастыря. По словам местной церковной историка С. Семеновы, «так и жили здесь,

Воскресенский собор в Тутаеве

ежедневно вознося молитвы об отце Никоне и о страждущем православном народе, монахини Екатерина и Лариса, инокиня Александра, послушница Евфросиния, старицы Антонина и Александра». Это были последние вологодские монахини. Их сестер в те годы расстреливали, как в Ферапонтовом монастыре, арестовывали, ссылали... И только они, из Павло-Обнорского монастыря, что под Грязовцем, продолжали свой молитвенный подвиг, уйдя от расправы в ярославские края. Всегда влогжане спасали ярославцев, а теперь наших сестер приютили в волжском городке.

Сретенье, а значит, и волнующую, духовную встречу сулит нам и первый действующий монастырь в начале нашего паломничества, который так и называется - Сретенский (в честь Сретения Владимирской иконы Божией Матери, ныне мужской, ставропигиальный). Он расположен в Москве и основан в 1397 году великим князем Василием III, сыном Дмитрия Донского. Мимо него, еще только строя-

щегося, прошли с котомками два московских монаха Кирилл и Ферапонт в белозерские земли, чтобы там основать свои знаменитые обители. Впрочем, Кирилл и Ферапонт остановились, перекрестившись на деревянный храм во имя преподобной Марии Египетской, построенный на этом месте еще в 1385 году.

В Сретенском монастыре любит останавливаться архиепископ Вологодский и Великоустюжский Максимилиан, когда навещает столицу по делам епархии. Архимандрит Тихон (Шевкунов) по его приглашению вместе с насельниками Сретенского монастыря лет десять назад совершил паломническую поездку по вологодским святыням, в том числе побывал в Спасо-Каменном монастыре, оставив в книге посетителей благодарную запись.

Таких примеров людских соприкосновений, со-трудничества и духовного со-делания по Северной дороге можно привести немало.

Поэтому и была дорога во все времена одной из самых многолюдных. Историк С.М. Соловьев пишет, что «зимою по Ярославской дороге в Москву попадались иногда обозы в 700 и 800 саней, нагруженных хлебом или рыбою; северные жители за 100 верст приезжали в Москву покупать хлеб и привозили соленую рыбу, меха, кожи». С основанием в 1584 г. Архангельска Северная дорога за Вологодой отклонилась от своего прежнего маршрута: через Кириллов, Белоозеро, Каргополь пошла на Холмогоры. Правда, предприимчивые русские люди в том же XVI веке соединили сухопутной дорогой вдоль Белого моря устье Онеги с устьем Двины. Два залива, две губы Белого моря таким образом оказались связаны между собой.

Холмогорский путь выигрывал по расстоянию и по лучшему, «доброму» состоянию. Уже в конце XVII века царский указ требовал «пробегать из Москвы до Архангельского городка добрым летним и зимним путем в восьмой и девятый день, а вешним и осенним путем в десятый и одиннадцатый». Для торговых караванов, идущих

Троице-Сергиева лавра - сюда вот уже много лет тянутся богомольцы со всего мира

щих с товарами из европейских стран через порт на Северной Двине, такие быстрые прогоны были решающим моментом в выборе путей сообщения.

Отправимся же скорее в наш путь.

ЛАВРА ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Мы увлеклись историей, пока с трудом выбирались из Москвы. Огромные потоки городского транспорта вливаются в узкое «горло» Ярославского шоссе у Мытищ и города Королева, создавая многокилометровые автомобильные пробки. Но если кто подумает, что чувство облегчения охватывает лишь современного паломника, когда перед глазами наконец-то распахиваются сельские дали, тот ошибается. Радость от чистого воздуха и тишины после городской душной суety испытывали, очевидно, горожане во все времена.

На довольно-таки хорошей дороге до Сергиева Посада у нас будет только одна остановка в Хотькове, где по правую руку на высоком холме воз-

вышаются строения Покровского Хотькова монастыря. До Троицкой обители отсюда 10 километров. Некоторые пешие паломники оставались здесь на последнюю ночевку перед лаврой, чтобы прийти к ней поутру. Поток верующих был огромен. По подсчетам историков, только в 60-70 гг. XIX в. в лавру приходило не менее 300 тысяч паломников ежегодно.

Покровский монастырь - один из древнейших на Северной дороге, основан он в 1308 г. Вокруг обители простираются Сергиевы места, связанные с жизнью Преподобного. Совсем близко Радонеж, где прошли отроческие годы будущего игумена земли Русской. Сюда переселились из Ростова Великого его родители. Здесь, в Покровской обители, отрок Варфоломей и его брат Стефан постриглись в монахи. В трапезной Покровского собора находятся святые гробы их родителей преподобных Кирилла и Марии, принявших в обители перед кончиной монашеский постриг.

С благоговейным чувством войдем через южные Святые ворота на его территорию. Старинных постро-

ек здесь, увы, не сохранилось. Будучи на несколько десятилетий старше соседнего Троице-Сергиева монастыря, Покровский так и остался скромной обителью в лучах славы последнего. В древности путников на богомольном пути издалика приветствовала высокая деревянная шатровая церковь Покрова. Шатровые храмы, чем дальше на север, тем становились стройнее и выше, как бы вступая в соревнование с мохнатыми елями.

С Покровским Хотьковым монастырем связано развитие на Руси кружевного промысла, который проник отсюда на вологодскую землю и прославил ее своими кружевами. Русские мастерицы издавна были известны своими вышивками шелком, поэтому, когда Петр Первый привез в Покровский Хотьков монастырь из Голландии иностранных кружевниц, чтобы они обучили монахинь секретам изготовления тончайшего полотна и плетения кружев, те быстро освоили новое для себя рукоделие и сделали монастырь центром, откуда распространялись по всей России ткаческие

Покровский монастырь в Хотькове

ФОТО АНДРЕЯ САЛЬНИКОВА

и кружевные изделия удивительной красоты.

Оставив позади гостеприимное Хотьково с речкой Пажей, притоком Клязьмы, которая, извилисто петляя, протекает и у села Радонеж, направимся в лавру, где бьется духовное сердце русского народа, где святые мощи Преподобного.

Вид лавры, стоящей на холме Маковец, с косоголов Сергиева Посада всегда праздничен, как торжественный молебен. Монастырь завораживает своим многоцветьем красок, богатством архитектурных линий, своей устремленностью к небесам. Кудесник северного слова Борис Шергин, трудно живший в военные и послевоенные годы в Сергиевом Посаде, так

описывает свои впечатления от лавры: «Неожиданно с дороги открывается взору эта сказка. Точно виденье возникает перед тобой этот холм, этот явленный Китеж Древней Руси. Стоишь на мосту, глазам не веришь: «Господи! Да что же это?! Наяву видится или во сне чудится?!» Невольно начнешь спешить, опережая других, начнешь торопиться для чего-то. Очевидно, для того, чтобы руками осязать эту «златую легенду», ногами исходить эту сказку, красоте которой очи не верят... Боговдохновенная песнь старой Руси стала вещественной... Лазурная музыка Древней Руси облечена здесь в формы. Это одно из великих чудес России».

Я приезжал в лавру и в зимние морозы, и в раннелетние дни на Троицу, и в осенние дожди, и в июльскую жару. И всегда лавра открывалась с новой стороны, настолько она сливается с природой, с окружающим ее пейзажем и в тоже время подчиняет его себе.

Если вы сойдете с поезда на станции Сергиев Посад, то не спешите сразу же идти к невидимым еще от вокзала ее стенам и куполам. Не садитесь на автобус и на такси, чтобы быстрее до нее добраться. Идите к лавре пешком, проникаясь особым духом деревянного городка, его тихим уютом. Вас сразу же облекут звуки деревенской жизни: хлопанье деревянных калиток, собачьи взбрехи, квохтанье кур, гомон детворы. Постепенно отходя от искусственных шумов, вы начнете воспринимать не только голоса окружающего мира, но и его краски.

Вы должны подойти к лавре, по меньшей мере, успокоенно сосредоточенным. Вот и она распахнулась за последним поворотом дороги перед вами: православная красавица, наша радость радостей,

Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры
ФОТО СВЯЩЕННИКА ВЛАДИМИРА КОЛОСОВА

вещая вестница, царица цариц. «Русское искусство разных эпох, - пишет, как шьет золотой нитью, Шергин, - видится на Маковце в некой удивительной гармонии. И не то что видится, принимается сердцем... Душа моя хочет прийти, припасть и поклониться тому, что озарено немерцающим светом Сергия и Андрея Рублева. Благодарная эпоха Сергия - XIV век, эпоха учеников его - XV век - это самая сильная, самая обаятельная, самая могучая струя жизни этого чудного Града, который есть сердце Святой Руси».

Войдем, наконец, перекрестившись, в Святые ворота этого Града. Несмотря на эпическую мощь стен и башен, внутри монастырь по-домашнему уютен, лирически тих и сосредоточен на главном - на духовном созерцании. Всё мирское остается за спиной.

Вместе с толпой паломников двинемся прямо к земному пристанищу святых мощей Преподобного. Идем налегке, повинувшись лишь ударам гулко-го сердца. Вот он, наконец, перед нами - Троицкий собор, среди высоких церковных строений приземистый и стройный. Всё истинно величавое на Руси не громоздко по размерам. Сюда, в деревянный еще собор, плачущая братия на руках отнесла гроб с телом наставника в конце сентября 1391 года. Прошло всего лишь три десятилетия, и Русская Православная Церковь канонизировала Сергия Радонежского. Князь Юрий Звенигородский, брат Дмитрия Донского, выделил средства для достойного памяти Преподобного белокаменного Троицкого собора, который и был возведен в короткие сроки.

Собор стоит перед нами, задумчивый и легкий в своем облике. Один из самых прославленных храмов России. «В этой песне зодчества душа великого Сергия, - пишет Шергин и далее. - В призрачной и таинственной сумрачности «церкви чудной» мерцают свечи. Там отец наш. Там молчит священная гусль Руси Святой. Но разве молчит эта божественная гусль? Нет, она поет, и говорит, и зовет».

Расписанный преподобным Андре-

Успенский собор Троице-Сергиевой лавры
ФОТО СВЯЩЕННИКА ВЛАДИМИРА КОЛОСОВА

ем Рублевым (роспись, к сожалению, была сбита для новых фресок в 1635 г.), с его и Даниила Черного иконами, собор представляет собой благодарность всех русских людей своему самому почитаемому святому. «Свете тихий» молитвенного образа гениальной «Троицы» заполняет весь небольшой объем церкви. В этом духовном средоточии русской земли никакие эпитеты не покажутся высокопарными и громкими.

Стоя в сокровенном молчании, в «умном безмолвии» у гроба преподобного Сергия, взирая на чудесные краски живописи, как-то по особому обостренно проникаемся чувством скорого открытия чудес срединной и северной русской земли. «Преподобный Сергий стоит во главе всех на южном краю сей чудной области и посылает внутрь ее своих учеников и собеседников, - писал один из первых писателей-паломников по Северной дороге А.Н.Муравьев, - а преподобный Кирилл, на другом ее краю, приемлет новых пришельцев и расселяет обители окрест себя, закидывая свои пустынные мрежи даже до Белого моря и на острова Соловецкие».

Здесь, у святых мощей Сергия, мы проникаемся музыкой просторов нашего паломнического пути, хрустальностью его тонов, пронзительной рускостью всех бывших и будущих поколений, прошедших и идущих по нему. Не южным солнцем Киевской Руси опалается Троицкий храм, а расцветным сиянием Московского государства. «...Чистотой, простотой, ароматнейшей стружкой веет от Преподобного, - вдохновенно писал в эмиграции Борис Зайцев. - Сергей - благоуханнейшее дитя Севера. Прохлада, выдержка и кроткое спокойствие, гармония негромких слов и святых дел создали единственный образ русского святителя. Сергей - глубочайше русский, глубочайше православный. В нем есть смолочистость Севера России, чистый, крепкий и здоровый ее тип. Если считать - а это очень принято, - что «русское» гримаса, истерия и юродство, «достоевщина», то Сергей - явное опровержение. В народе, якобы лишь призванном к «ниспровержениям» и разинской разнузданности, к моральному кликушеству и эпилепсии, - Сергей как раз пример - любимейший самим народом - ясности, света прозрачного и ровного».

Монастырь, основанный двумя братьями Сергием и Стефаном, был необычен для Древней Руси. До Троицкой обители монастыри почти всегда располагались либо в городах, либо в их предместьях. Троица же удалена от Москвы на семьдесят верст. Почему основателей монастыря увлекла идея (или мечта?) уйти в чащу лесов, подальше от крупных селений? Монашеский подвиг предполагает уединение, тишину, духовное сосредоточение. К тому времени русские города вздохнули свободнее, начали постепенно отстраиваться после татарских набегов. Они укрупнялись, число жителей увеличивалось. О покое молитвенного созерцания приходилось только мечтать.

Была и еще одна причина в удалении преподобных Сергия и Стефана. Это - скрытность от врагов, разорителей монашеских обителей. Врываясь в русские города, ордынцы пер-

вым делом грабили и жгли монастыри, зная, где можно пожить, а заодно и разрушить потенциальные очаги сопротивления.

Из Троицы был указан и путь на Север. «В конце XIV в., - пишет исследователь этого периода русской церковной истории Б.М.Клосс, - начинается продвижение «общежителей», Сергиевых учеников и собеседников, в малоосвоенные пределы русского Севера. Обозначились два колонизационных потока: один распространился по вологодским лесам, другой достиг Белоозера». Первыми по этой дороге пошли Димитрий Прилуцкий, выходец из Переяславля-Залесского, Стефан Пермский, будущий просветитель зырян, Стефан Махрицкий, Сергей Нуромский и Павел Обнорский.

Троицкий монастырь самим провидением Божиим стал укрепленной твердыней в лесной северо-восточной Руси. Но еще важнее его духовно-нравственное значение как объединителя русских земель, создателя великого государства, сплотившего русский народ в единое целое.

ДРЕВНИЙ ПЕРЕСЛАВЛЬ, ЧТО «ЗА ЛЕСАМИ»

Не знаю, какие чувства и мысли посещают других паломников, но чем дальше удаляемся от Москвы, тем больше меня охватывает радость пребывания в родных краях. Не то, чтобы Москва-столица подобных чувств не вызывает, просто они там другие. А может, к Москве привыкли, и там теряется свежесть восприятия.

Въезжая в Переславль-Залесский, попадаешь именно в такой мир забытого уюта и душевной теплоты. А когда выйдешь к округлой долине Плещеева озера, глянешь на окрестные дали, увидишь на холмах гнезда переславских монастырей, картина и вовсе превращается в классически древнерусскую, будто время, как таковое, куда-то испарилось, и ты вернул в свое прошлое.

Переславль радуется отсутствием грубой современности и заносчивой

новизны. Куда бы ни свернул на деревянных улочках, обязательно выйдешь то к церковке, то к монастырю. Многие из них по традиции расположены на красных местах, на возвышениях, обозреваемых со всех сторон.

Пять монастырей встречают нас в Переславле-Залесском, и такого богатого, сохранившегося во многих строениях монашеского града мы не найдем больше нигде по нашей дороге. Самые крупные из них, такие монастыри-крепости, как Успенский Горицкий и Никитский, охраняли город с двух направлений - со стороны дороги от Москвы и с противоположно конца от Ростова и Ярославля. Федоровский монастырь также находится у московского тракта, а поблизости расположен еще и Троицкий Данилов монастырь. Наконец, пятая обитель - Никольская - стоит рядом с историческим центром города.

Переславль по своим границам соизмерен путешествующему человеку, по нему лучше ходить пешком. Ходить и радоваться, что сохранился такой чудо-городок, где всё приятно глазу, а слух не оскорбляется дикой музыкой или лязгом машинных сирен.

Поэтому, не задерживая свидание с городом, сразу пройдем к общерусской святыне - Спасо-Преображенскому собору на Красной площади бывшего кремля. С него паломники начинают обозревать Переславль. Белокаменный храм, подобно крепкому боровику, вдруг вырастает в центре Переславля буквально из-под земли. Это - Русь юная, домонгольская.

Кто же здесь посадил христианскую грибницу? Основателем Переславля-Залесского считается князь Юрий Долгорукий, пять лет до этого заложивший на Боровицком холме Москву. Два эти города - две судьбы и два символа. Почему Москва возвысилась до уровня мирового центра, а Переславль остался тихим райцентром? - такие вопросы можно задавать лишь риторически. Города, как и люди: кто-то рождается гением, а кто-то тянет жизненную лямку, сообразуясь со своими скромными способностями.

Правда, Переславль-Залесский знавал разные периоды своей истории. Когда-то и он соперничал по своему авторитету с Москвой, бывал княжеской, а затем архиепископской резиденцией, собирал в 1320-х гг. на Совет русских церковных иерархов, князей и бояр. В Спасо-Преображенском соборе был рукоположен в игумены преподобный Сергей Радонежский. Под его сводами переславцы принимали на княжение Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского. Петр Первый здесь пел на клиросе.

Сегодня в древнейшем каменном здании северо-востока Руси расположен музей. Голые стены, каменный пол, гулкий интерьер... Казалось бы, ничто не мешает нашему сосредоточению, чтобы услышать голоса прошлого. Только вряд ли кого такая фантазия посетит. Слишком быстро - один шаг через порог - и попадаешь из XXI в. с его улицей, забитой машинами, с ярмаркой, где продают сувениры, в век, предположим, XIV или XIII.

Спасо-Преображенский собор сегодня по возрасту, действительно, является убеленным сединами старцем в архитектурном собрании Северной дороги. Не зря в его стенах проходил один из первых съездов Руси. Далее по нашей дороге пойдут другие древние храмы, но XII в. среди них не будет.

Древнейшим на северо-востоке России является и Никитский Переславль-Залесский мужской монастырь в честь преподобного Никиты Столпника, стоящий на восточном берегу глубокого и своеобразного Плещеева озера. Сегодня в нем, слава Богу, снова возрождается монашеская жизнь. Основана обитель (по одной из версий) святым Никитой Столпником около 1186 г. Временные даты обычно читаются быстро, но вдумаясь, прикинем: 820 лет назад!.. Мало какие строения в средневековой Европе могут похвастаться такой историей!

Продолжение следует.

Никольская башня
Московского Кремля.
Начало XX в.

**ВАДИМ
ДЕМЕНТЬЕВ**

ПО СЕВЕРНОЙ ДОРОГЕ

Никольская башня
Соловецкого монастыря

Продолжение. Начало в «Вологодском ЛАДЕ» № 2, 3

Ансамбль Никитского монастыря блистает стройностью архитектурных линий и какой-то вольностью в пейзажном обрамлении.

Известность монастырю принесли основатель обители преподобный Никита Столпник, исцеливший многих людей, в том числе знаменитого князя-героя Михаила Черниговского. Государь всея Руси Иоанн Васильевич Грозный развернул в монастыре большое строительство и, как предполагают историки, намеревался здесь устроить запасную опричную резиденцию.

С 1994 г. Никитский Переяславль-Залесский монастырь вновь затеплил свои свечи. Здесь действуют детская и взрослая воскресные школы. Обитель с радостью принимает и паломников.

Второй переяславский монастырский комплекс находится на вершине холма у южной окраины города, рядом с Московской дорогой. Он носит имя Успенской Горицкой обители и основан московским князем Иваном Даниловичем Калитой. Так как он примыкал к древней дороге, которая вела к Волге, то его посещали многие великие князья и цари, делая щедрые вклады. В XVI в. были заменены деревянные строения на каменные, а с 1744 г. монастырь стал резиденцией переяславских епископов. Но недолго просуществовала Переяславская епархия, упраздненная в 1788 г. Вместе с ней был

ликвидирован и Горицкий монастырь, который не возобновлялся с тех пор, хотя и сохранял многие свои строения. В них в 1919 г. был открыт историко-художественный музей. Особенно в этой обители красивы Святые и Восточные ворота. Настоящие «шкатулки, осыпанные драгоценностями».

Третий переяславский монастырь - Свято-Троице-Данилов - расположен рядом с Горицким на берегу реки Трубеж. В названиях Переяславль, Трубеж слышится далекое, летописное... Действительно, эти названия повторяют имена города и реки в южных землях Киевской Руси. Выходцы с тех мест переселились в Замосковье, им было приятно слышать знакомые названия. Чтобы отличить киевский Переяславль от замосковского Переяславля, последний назвали Переяславль-Залесским, то есть городом «за лесом», где жили вятичи. Со временем в его имени «потерялась» гласная «я».

Троицкий Данилов мужской монастырь основал в 1460 г. преподобный Даниил, инок Горицкой обители, на месте кладбища, где хоронили странников, убогих и погибших насильственной смертью. Здесь на вклады Василия III построены каменная церковь во имя Всех Святых и собор Святой Троицы в честь сына Ивана, который в русской истории был назван Грозным.

Часть построек Троицкого монас-

Настоятельница Свято-Никольского женского монастыря в Переславле игуменья Евстолия

тыря, ставшего действующим, к сожалению, не сохранилась, но собор, один из лучших храмов Переславля-Залесского, пережил годы тотального разрушения. Строил его ростовский зодчий Григорий Борисов, тот самый,

который возводил каменные храмы по всему Северу.

Ближе к Москве, на окраине Переславля, расположен Федоровский монастырь, известный с 1304 г., когда переславцы с москвичами победили своих многолетних соперников тверичей. Случилось это в день памяти святого Федора Стратилата, поэтому и назвали обитель Федоровской. Близ нее родился сын Ивана Грозного, названный по месту своего появления на свет, - Федором. Царь пожаловал монастырю богатую милостыню, а на месте рождения царевича была построена часовня Крест, один из замечательных памятников русской архитектуры. Сегодня Федоровский женский монастырь постепенно восстанавливается.

И, наконец, пятая обитель небольшого Переславля - Свято-Никольский монастырь в честь святителя Николая, архиепископа Мирликийского, расположен ближе к центру города. Дата его основания уводит нас в середину XIV в. И основан он был преподобным Димитрием Прилуцким, здешним уроженцем, одним из самых

Никольский собор Свято-Никольского монастыря в Переславле. Один из его приделов освящен в честь преподобного Димитрия Прилуцкого, освящение совершил архиепископ Максимилиан осенью 2005 года

ФОТО АНДРЕЯ САЛЬНИКОВА

почитаемых русских святых, учеником и собеседником преподобного Сергия Радонежского. Трижды монастырь уничтожался (такой разор терпели и другие переславские обители): в 1482 г. татарским войском во главе с Тохтамышем, спалившим Москву, в 1611 г. польско-литовскими оккупантами в годину Смуты и в 1923 г. советской властью. И каждый раз чудесным образом обитель восстанавливалась.

С 1993 г. в женском монастыре ведутся большие строительные работы.

Итак, из пяти переславских монастырей один основан в XII в., три - в XIV в., причем два в начале этого столетия, и одна обитель берет свое начало с середины XV в. Редкой древности все переславские монастыри!

ВЕЛИКИЙ ГОРОД РУСИ - РОСТОВ

Ростов Великий считается древней духовной столицей Русского Севера, воротами в верхнее Заволжье. В древнерусском государстве всего два города числились в великих: Новгород и Ростов. Народная молва, а вслед за ней и летописцы такими громкими именами награждали древнейшие посады отнюдь не случайно.

Ростов впервые был упомянут в «Повести временных лет» в лето 862. Располагается он на берегу озера Неро, по-иному Ростовского, в местах, где проживало угро-финское племя меря. Многие из знаменитых киевских князей владели этим городом. Назову, к примеру, Владимира Мономаха, правившего в Ростове с 1093 года. Своим детям и внукам в знаменитом «Поучении» Владимир Всеволодович составил маршруты своих ратных и деловых странствий. Перечень 83 «великих путей» открывается сообщением: «Первое к Ростову идох...».

Вот и мы, дорогой читатель, «идох» сейчас к великому русскому граду. Постепенно заканчиваются лиственные леса, рельеф местности выравнивается, и за десять километров до Ростова Великого начинают тянуться поля - первый признак присутствия

большого и древнего поселения людей, вокруг которого леса вырубались. И, действительно, только мелькнула вдаль темная полоска озера Неро, как на берегу показались кучной гроздью купола и башни, приковывая к себе всё наше внимание. Уж не мираж ли сказочный возник?!

С московской дороги видны башни, церкви и колокольня Спасо-Иаковлевского Дмитриева монастыря, где покоятся мощи святителя Дмитрия Ростовского.

Перекрестившись, войдем в северные ворота обители. В старину Спасо-Иаковлевский Дмитриев монастырь назывался Зачатьевским, в честь Зачатия Пресвятой Богородицы. Он основан в конце XIV в. ростовским святителем Иаковом, епископом Ростовским.

XIV-XV вв. - золотое время русской святости! Сколько храмов и монастырей возникло тогда на Руси, будто очнувшейся от страшного мора татарского ига, расправлявшей для дальнего полета свои крылья. Какие художники, книжники, архитекторы жили и творили в те десятилетия на нашей земле! Каким вдохновением и какой духовной свободой дышат их произведения, во множестве дошедшие до нас!..

Иаковлевский Зачатьевский монастырь располагался на округлом мыску озера, у самой кромки воды. До XVII в., как и большинство северных монастырей, он был деревянным, отчего выгорал в сильные пожары. В 1686 г. в монастыре над святыми мощами святителя Иакова была возведена первая каменная постройка - Зачатьевская церковь. На западной стороне храма сохранилась запись о том, что церковь строилась при митрополите Ионе Сысоевиче и называлась Троицкой, а в 1754 г. переименована в Зачатьевскую.

Одна из главных исторических особенностей Ростова Великого - местная епископия. По преданию, ростовская кафедра основана в первом тысячелетии от Рождества Христова, при святом князе Владимире. Кафедральный собор города, его духовный

центр, был посвящен Успению Божьей Матери. Владения Ростова простирались далеко за Вологду, в ближние и дальние пределы Северной Фиваиды.

Слава Иаковлевского монастыря началась, когда церкви Святой Троицы были явлены мощи святителя Дмитрия, митрополита Ростовского. Семь с лишним лет подвизался он на Ростовской кафедре. Здесь, в монастыре святителя Иакова, в Троицкой церкви в 1709 г. он завещал себя похоронить. Кроме библиотеки, после святителя Дмитрия ничего не осталось. «Не гордись ни единой вещью в мире сем, - проповедовал он. - Все здесь останутся, все в прах и пепел переменятся».

Главный подвиг его жизни - составление многотомной «Четьи-Минеи», то есть собрания благочестивого чтения, распределенного по месяцам. Основу Минеи составляли жития святых. Ф.М. Достоевский восторгался: «...По всей земле русской... распространен дух Четьих-Миней, потому что есть чрезвычайно много рассказ-

чиков и рассказчиц о житиях святых. Рассказывают они из Четьих-Миней прекрасно, точно, не вставляя ни единого лишнего слова от себя, и их заслушиваются. Я сам в детстве слышал такие рассказы... Слышал я потом эти рассказы даже в острогах у разбойников, и разбойники слушали и вздыхали... В этих рассказах заключается для русского народа... нечто покаянное и очистительное. Даже худые, дрянные люди... получали нередко странное неудержимое желание идти странствовать, очиститься трудом, подвигом... Покаянная скорбь, самообвинения, искания лучшего, святого - черта в жизни народа нашего историческая».

Вспоминая добрыми словами угодника Божия, зайдем под высокие своды в придел святителя Иакова, примыкающий с северной стороны к Зачатьевскому собору (бывшему Троицкому). Здесь сегодня сосредоточена богослужебная жизнь монастыря. Храм открыт весь день. Богослужения проходят ежедневно. Братский молебен в 5 часов 30 минут утра, затем по-

В Спасо-Иаковлевском монастыре в Ростове

ФОТО АНДРЕЯ САЛЬНИКОВА

лунощница и литургия. Вечером богослужение в 17 часов.

Справа на солее, в деревянной раке с красивой сенью из бука (вклад паломников из соименного города Ростова-на-Дону) находятся святые мощи святителя Димитрия Ростовского, Златоуста Российского. С левой стороны открыто почивают в раке святые мощи преподобного Авраамия Ростовского. Рядом с мощами святителя Димитрия располагается гробница святителя Иакова, епископа Ростовского, основателя монастыря. Помолимся Божьим угодникам, чьи духовные подвиги отделены один от другого столетиями, а от нас веками, испросим у них прощения за грехи наши. Здесь бьется православное сердце древнего Ростова, отсюда горящие свечи светят на всю Россию. Святое, благолепное, глубоко молитвенное место!..

Рядом с ракой святителя Димитрия в богатом окладе находится одна из ростовских святынь - Ватопедская икона Пресвятой Богородицы, называемой «Отрада» или «Утешение»*. «Эта икона, - рассказывает отец Александр (Парфенов), - была поднесена афонскими монахами царю Алексею Михайловичу Романову. Царь, в свою очередь, пожаловал эту икону святителю Петру (Могиле), митрополиту Киевскому. Затем икона, находившаяся в алтаре Великой церкви Печерской Лавры, архимандритом этой Лавры была отдана святому Димитрию в благословение на труд написания житий святых. Перед этой иконой великий святитель проливал свои молитвы о себе, о своей пастве, пред ней он почил... Когда в 1752 году тело святителя было обретено нетленным, благоговейное внимание верующих остановилось на Ватопедской иконе Божией Матери, как бывшей его келейной святыней».

В Спасо-Иаковлевском Димитриевом монастыре можно посетить пещерный Воскресенский храм с копией часовни Живоносного Гроба Гос-

подня, что в Иерусалиме. Он расположен в подклете церкви святителя Иакова.

Территория монастыря сегодня представляет оазис для отдохновения паломников. После шумной дороги в тишине и молитвенном покое у святого источника хорошо думается и размышляется, перед глазами проносятся картины прежних событий, связанных с историей обители. Только спокойно плещется былинное озеро Неро за монастырской оградой.

Еще раз поклонимся святыням этой умиротворенной обители и выйдем за ворота, чтобы посетить еще одно, овечное историческими легендами, место. Расположено оно рядом со стенами Иаковлевского монастыря. Ныне этот храм называется церковью Спаса на Песках. Когда-то и здесь располагалась монашеская обитель, основанная в XIII в. княгиней Марией, вдовой героически погибшего в татарском плену благоверного князя Василька Ростовского. Княгиня Мария, дочь святого благоверного князя Михаила Черниговского и сестра преподобной Ефросинии Суздальской, после гибели мужа правила Ростовским княжеством, основала Спасский монастырь и постриглась в нем в монахини.

Вся наша дорога, как я уже писал, вплоть до Белого моря, до Соловецкой духовной твердыни пронизана токами родства святых угодников и праведников, историческими перекрестьями их судеб, символическими средоточиями их жизненных путей. От одной обители к другой, всё дальше на север передавался этот духовный жезл истинного подвижничества.

И вот, находясь у собора Спаса на Песках, где покоится княгиня Мария, напомним, что она являлась матерью знаменитого князя, местнотчтимого святого Глеба Ростовского и Белозерского, одного из самых известных исторических персонажей второй половины XIII в., легендарного основателя двух первых северных монастырей

* Название иконы происходит от названия Ватопедского монастыря на Афоне, где она прославилась чудесами.

- Усть-Шехонского на месте истока реки Шексны из Белого озера и Спасо-Преображенского на Каменном островке среди бурных волн Кубенского озера. Наш паломнический путь лежит в те пределы, и мы вскоре обязательно посетим одну из славных обителей Русского Севера - Спас-Камень, ныне возрождаемый нашими современниками.

Здесь же, в Ростове, у стен Спасо-Преображенского собора, вспомним добрым словом княгиню Марию, которая начала местное летописание, проникнутое идеями независимости Руси, непримиримой борьбы с ее врагами, и ее сына Глеба, первого удельного белозерского князя, похороненного в соборе рядом с матерью.

От некоторых местных монастырей, увы, остались только памятные места, отдельные церковные строения, одни «остатки», как грустно замечает священник Александр Парфенов. Можно насчитать в самом Ростове и его окрестностях следы нескольких монашеских обителей....

...Есть в русских монастырских ансамблях какое-то очарование, которое мы можем выражать, как и любую положительную эмоцию, то громкими восклицаниями, то тихими признаниями. Что-то кроется в этих обителях пронзительное, глубоко сокровенное. Каждая из них не повторяет другую, хотя построены вроде по одному архитектурному канону - ограда с башнями, Святые ворота, храм, колокольня, трапезная, настоятельские и монашеские кельи... Если что и утеряно по небрежению или по активному богоборчеству, то это как бы нами и не замечается, настолько мы любимся общим видом, панорамой, что просто глаз не оторвать. К примеру, в Спасо-Суморине монастыре, что в Тотьме, разрушена до основания высокая колокольня, ажурный столп, создававший на сухонских холмах целостную картину древней обители, но мы благодарим Бога, что Он оставил нам собор, стены и башни, не позволил стереть с лица земли весь монастырь.

Здесь, мне кажется, проявляется

чисто русское качество благодарения уже за то, что есть, что имеется, что осталось. В Ферапонтовом монастыре вообще нет высокой колокольни, но разве мы это замечаем? Мы с восторгом смотрим на то, что видим, не требуя иного. Здесь «узрела душа Ферапонта что-то Божье в земной красоте», как замечательно сказал Николай Рубцов. И далее, не менее прекрасно: *И однажды возникло из грезы, Из молящейся этой души, Как трава, как вода, как березы, Диво дивное в русской глуши!*

Русское созерцание как бы восстанавливает, домысливает, дополняет чувством или интуицией то, что невидимо, что лишь брезжится, колыхается в мареве миражом, будто подсказывая, что в этой брэнной земной жизни и не должна быть законченность, цельность, материальная гордыня человеческого существования, а лишь на небе есть град невидимый, чистый в своей красоте, куда рано или поздно устремится душа и где найдет свое успокоение. «Молитвами иноков Господь содержит сей мир», - учил святитель Димитрий Ростовский.

Поэтому даже в разрушенных обителях мы видим то, что сокрыто для иноземного любопытствующего взгляда. Нам достаточно церковной руины на высоком холме, чтобы душа захолонулась от жалости и любви. Даже Московский Кремль, ставший символом русского национального духа, и тот видится Николаю Рубцову, как «мираж»:

*Но как, взгляните, чуден этот вид!
Остановитесь тихо в день*

воскресный -

*Ну, не мираж ли сказочно-небесный
Возник пред вами, реет и горит?*

Крепостная надобность русских монастырей совсем не исчезла даже в XX в., как многие думают. Она спасла жемчужины русской духовности и церковной архитектуры в годы богоборчества. В начале 30-х гг. прошлого века в Ленинграде уже были подготовлены решения о сносе «очагов мракобесия», в числе которых значились Иверский монастырь на Валдае, Кирилло-Белозерский монастырь,

Спасо-Прилуцкий под Вологдой... И только военное ведомство наложило «вето» на этот чудовищный проект, аргументируя свое несогласие тем, что ансамбли этих монастырей могут быть еще использованы в качестве фортификационных сооружений. И древние обители тогда не тронули.

Город монастырей и приходских храмов*, Ростов Великий, славится своим кремлем, где почти восемь веков располагалась архиерейская кафедра. Может, поэтому нынешний райцентр Ярославской области и стал намоленным местом Русской земли, что здесь еще в X в. утвердилась церковная власть над огромными северными пространствами, над Северной Фиваидой с ее деятельным монашеством. В кремле православной твердыню высится кафедральный собор во имя Успения Божией Матери - главный храм Ростова Великого, основанный в 991 г. при святом равноапостольном князе Владимире. «Ростовский собор, - по слову Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, - является святыней в силу того только, что здесь больше тысячи лет совершается молитва и прославление Божией Матери».

...Успенский собор является поистине драгоценной хранилищем мощей праведников, общечтимых православных святых, ростовских владык, местных князей. Сюда в 1366 г. на моление чудотворцам приходил Преподобный Сергей Радонежский...

Вся наша Северная дорога находится под покровительством игумена земли Русской. Быть может, вся она исхожена его ногами, отсюда он благословлял родную землю, в этих краях покоятся его родственники и ученики. Ветра, которые приносят холод с побережий Ледовитого океана, с легкостью могли задуть любую горящую лампадку, потушить свечу, но Преподобный Сергей приручил их, поставив по всему пути храмы, монастыри, часовни. В этих Божиих укрити-

ях люди молились, крестились, венчались, отсюда их провожали в последний земной путь. Вся жизнь и судьба человека семьсот лет была связана на Святой дороге с христианскими заповедями и проповедями, молитвами и обрядами, с благочестивым смирением перед обыденной жизнью, когда, по выражению русского писателя Леонида Леонова, в иные времена «страх смерти был сильнее страха жизни». Вернее не связана, а скреплена, подобно железным обручем, судьба русского народа с его стойкостью перед врагами Христовыми, которых вновь и вновь нам приходилось побивать.

Святитель Феодор, сын родного брата Преподобного Сергия - Стефана, постригал в монахи великих святых русской земли - преподобных отцов Кирилла Белозерского и Ферапонта Белозерского и Можайского. Так, свеча по наставлению великого князя московского Семена Гордого не загасала. По «старине», по традиции передавалась от храма к храму, от пустыни к пустыньке, от одной монашеской обители к следующей. И когда шестидесятилетние старцы Кирилл и Ферапонт, отправившись в северные палестины, где их после теплых келий в московских монастырях ждали сырые землянки, они молились по дороге у гробов своих учителей и наставников, просили у них прибавления духовных сил и телесной стойкости перед грядущими тяжелыми испытаниями.

...Можно и далее перечислять многих славных сынов Русской Церкви и всей Руси, которые покоятся в Успенском соборе. «Собор, - подчеркивает священник Александр Парфенов, - в котором служили и проповедовали Слово Божие святители Димитрий Ростовский и Арсений Мацеевич, закономерно занимает первое место среди храмов не только Ростова, но всей Русской земли, как по значению, так и по множеству почивающих здесь угодников Божиих».

* До революции 1917 г. здесь насчитывалось 22 храма и 5 монастырей. С 1931 по 1943 гг. в Ростове была открыта только одна церковь во имя Толгской иконы Божией Матери.

Здесь проводили богослужения многочисленные ростовские владыки, среди которых были священнослужители с разными судьбами, порой и трагическими. Скажу только об одном, память о котором нам освежат камни Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере, куда идет наш паломнический путь. В истории Успенского собора запечатлено благодеяние ростовского архиепископа Георгия Дашкова, возобновившего храм после пожара в 1730 г. Первый вице-президент Синода при Екатерине I и Петре II, он при императрице Анне Иоановне впал в немилость, был разжалован и сослан в том же 1730 г. на островной монастырь в вологодских краях. Здесь он провел пять лет и был далее удален в один из сибирских монастырей. Так что стены Ростова за 1200 лет видели разные судьбы.

Бросим, удаляясь, свой взгляд на крижистый, но могучий в своем историческом величии Успенский собор рядом со знаменитой Ростовской звонницей. Пять его куполов, покрытых лемехом, как воины в шлемах и кольчуге, стоят на страже родной земли, веры христианской. Во всем его облике сквозит не гордыня, а гордость, не поражение, а победа, не заносчивость, а соразмерность. Соразмерность и соучастие делам Божиим, а, значит, и лучшим человеческим деяниям.

Наш же путь лежит к Ярославлю.

ГОРОД, ЧТО ОСНОВАН ЯРОСЛАВОМ МУДРЫМ

Город в верховьях Волги встречает нас не свежим речным ветром, а дымом нефтеперерегонного завода. Пока мы пробираемся сквозь сутолоку улиц до реки Которосль через машинные пробки, трамвайные пути, мимо пешеходов, так и стремящихся, кажется, броситься под колеса машины, то наши ожидания от встречи с красивцем-городом несколько прищипываются. Где он, чудный град, основанный в 1010 г. Ярославом Мудрым? Где Спасский и Толгский монастыри, под зеленую и прохладную

сень которых мы так стремимся?

Но не будем привередливыми и ворчливыми. Окраины любого крупного города встречают промышленными зонами, пылью, шумом. После провинциально тихих и по-старинному благолепных Переславля-Залеского и Ростова Великого Ярославль - это город-гигант, индустриальный центр, культурное гнездо Верхней Волги.

Ярославский горизонт притягивает нас и там, куда мы стремимся, нас, действительно, не ждет разочарование. Центр города со Спасо-Преображенским монастырем, приходскими церквями и знаменитой набережной представляет собой умиротворенный и полный задумчивой красоты оазис истинного наслаждения для уставшего паломника.

В начале XI в. в устье реки Которосль, впадающей в Волгу, ростовский князь Ярослав Мудрый, разгромив языческое святилище «Медвежий угол», основал городок, названный его именем. Первое письменное упоминание о Ярославле в летописи относится к 1071 г.

Как и в Ростове Великом, утверждение христианства на волжских берегах происходило драматически, в борьбе с язычниками. Сам основатель города князь Ярослав Мудрый был чуть не задран медведем, которого выпустили на него меряне, проживавшие в этих местах.

Поначалу Ярославль был в подчинении у своего старшего собрата Ростова, но с княжения Константина Всеволодовича, также прозванного Мудрым, сына Всеволода Большое Гнездо, отца храброго Василька, в начале XIII в. стал возвышаться, в нем уже в 1222 г. насчитывалось 17 церквей. В 1218 г. Ярославль стал столицей удельного княжества, когда князь Константин Всеволодович разделил свои обширные владения. Сын Василек получил Ростов, а младший Всеволод - Ярославль и к нему «Угличе поле, Мологу и страны Заволгские до Кубенского озера».

Еще при жизни Константина Всеволодовича, которого летописец на-

звал «вторым Соломоном», в 1216 г. был заложен монастырь святого Преображения, причем главный храм обители - Спасо-Преображенский собор - ростовские мастера воздвигли каменным. Здесь, рядом со Стрелкой, как ярославцы издревле называют устье Которосли, образовался крупнейший духовный и культурный центр Северо-Восточной Руси с первым в этих краях училищем, большой библиотекой, с переписчиками и создателями летописей и книг, со своей иконописной школой.

Закономерно, что традиция почитания высокой христианской культуры переходила в Ростово-Суздальской земле, на всем русском Северо-Востоке от города к городу, от посада к посаду. Ростов как бы напитан духовностью своего младшего брата на Волге, а Ярославль понес светильник веры и христианского искусства в Заволжье и так далее, вплоть до побережий Белого моря.

И хотя дороги ярославских и ростовских князей в будущих веках разошлись: первая княжеская династия во главе с Константином Мудрым простерла свою властную длань в «страны Заволгские», почему и стали ярославцы владеть большими пространствами в нынешних вологодских краях (вокруг Кубенского озера), а ростовцы - древним Белоозером с многочисленными волостями, сюда, за триста-четыреста верст, они перенесли высочайший уровень своей духовной культуры, здесь они сразу же принялись воздвигать храмы и монастыри, украшать их, оберегать свои северные владения от набегов кочевников. Кроме того, ярославские князья очень почитали «старину», любили традиции, дорожили своими предками. Кстати, термин «старина» в Древней Руси имел и юридический смысл. «По старине», как писалось в княжеских грамотах, заключались многочисленные договоры, в которых «старина» всегда расшифровывалась - кто, как и где чем владел, что наследовал и т.п.

Может, думаю, и поэтому в стенах

Спасо-Преображенский монастырь в Ярославле

любимого ярославскими князьями Спасо-Преображенского монастыря, где находилась их родовая усыпальница, многие века хранилась бесценная для отечественной культуры рукопись «Слова о полку Игореве», и, вероятно, ее брали в руки, читали ярославские князья, на таких книгах они воспитывались, такого рода повести закаляли их дух, характер, делали их преданными отчизнолюбцами.

Красив монастырь!.. Он широко раскинулся среди куп деревьев устья Которосли, не потеряв одновременно своего сторожевого значения и духовного обаяния. В 1216 г. «князь Константин заложил в Ярославле каменную церковь и монастырь святого Преображения». Сегодня в стенах обители располагается музей-заповедник, торгуют сувенирами и кафе с пивным многообразием начинаются прямо от Святых ворот, которые сами по себе с высокой башней - дозорной вышкой - служили главнейшим редутом обороны Ярославля от захватчиков, всегда появлявшихся с юга, со стороны переправы через Которосль. И вот пропустили они, пользуясь нашим небрежением и благодушием, торговцев во храм, кои выглядят со своими столиками харчевни, занимающей большое внутреннее пространство монастыря, неуместно даже для областного музея. Справедливо заявил в 2005 г. в праздник Преображения Христова архиепископ Ярославский и Ростовский Кирилл (при постриге он получил имя в честь препо-

Спасо-Введенский Толгский монастырь

ФОТО АНДРЕЯ САЛЬНИКОВА

добного Кирилла Белозерского): «Храмы должны являться храмами, а музеи - музеями. Эти понятия нельзя смешивать».

Но не поклониться одному из семи богатейших монастырей России нельзя. С благоговением войдем в Святые ворота, через которые проходили все российские цари, начиная от Ивана Грозного. Всё пространство ворот расписано фресками на темы Апокалипсиса, последнего Судного дня для этого мира (расписывали московские и ярославские художники в 1564 г.). Сохранившиеся с тех времен росписи как бы нам говорят: оставь всё суетное, мирское, тыходишь в святые чертоги.

Но музей, конечно, и остается музеем, вплоть до живой медведицы, которую посадили в клетку, как символ города Ярославля. Могли бы подыскать место для зоопарка и в другом месте, но это свидетельствует об уровне культуры современности, о ее грубой языческой составляющей, где

рѣв лесного зверя, побитого некогда Ярославом Мудрым, тревожит покой гробниц ярославских князей и монастырских храмов*. Не лучше ли, не благоразумнее ли было установить в стенах монастыря памятный знак в честь хранившегося здесь великого памятника русской культуры - бессмертного «Слова о полку Игореве», созданием которого вдохновляется многие века отечественная словесность (сегодня в бывшей трапезной монастыря развернута экспозиция, посвященная «Слову...»).

Но пройдем сразу к самому древнему храму Ярославщины - Спасо-Преображенскому собору, возведенному в 1516 г. Его стоит обойти вокруг. Каждая сторона-грань не повторяет другую. Кроме благолепия общего вида, важно учесть, что древнерусские мастера использовали только им присущую меру длины - «маховую» сажень (177,5 сантиметров), которая и придает внешнюю и внутреннюю гармонию древнерусской архитектуре. Сколько

* Медведица эта в 2005 г. задрала служительницу, что лишний раз доказывает неуместность устройства здесь городской забавы.

раз мы уже находились рядом с выдающимися храмами, будь то, к примеру, белый, как лебедь, Преображенский собор Переславля-Залесского или величественный в своей мощи Успенский собор в Ростове, и никогда не возникало чувства внутреннего отторжения, несогласия с их обликом. Наши предки строили их не только как «мера и красота скажут», их «мера» включала в себя глубоко продуманные лекала создания образов национальной красоты, воплотивших в себе идеалы гармонии и соразмерности, когда говорят: «Глаз не оторвать».

В стенах Спасо-Преображенского монастыря усердием двух поколений ярославских князей, монахов, знатных граждан города и, наконец, с 1787 г. ростово-ярославских епископов (сюда был переведен из Ростова Архиерейский дом) хранилась и до сих пор имеется богатейшая коллекция древностей, ризница с сокровищами ярославской земли. Ныне ее выдающиеся экспонаты и раритеты: коллекция икон и рукописей, драгоценных тканей и церковной утвари - выставлены в залах музея-заповедника. Пусть и так, но они не пропали, не исчезли, подобно многим иным, также общезначимым, в других русских краях. Ризница и книгохранилище Спасского монастыря насчитывает не много не мало 300 тысяч единиц хранения.

Среди ярославских святынь особо выделяется чудотворная икона Богоматери Толгской, ведущая свою известность с 1314 года, защитница Ярославля от всех бед, его духовная покровительница. Образ сей явился ростовскому епископу Прохору на том месте, где ныне находится Свято-Введенский женский Толгский монастырь. Сюда, за семь километров от центра Ярославля, на противоположный берег Волги, в поселок Толга мы и отправимся.

Переезжая мост, я вспоминал кубеноозерский образ местночтимой чудотворной иконы.

...Свято-Введенский женский Толгский монастырь лучше всего посетить 21 августа в день явления образа Богоматери Толгской. И хотя па-

ломников сюда приезжает немало, всех их привечают сестры, коих здесь насчитывается более ста.

Ухоженность, монашеская аккуратность обители просто поражают. Купола и крыши блестят свежей краской, соборы и стены с башнями и воротами побелены, всюду море цветов, неспешно прохаживаются павлины. Такая благодать создана немалым трудом насельниц после десятилетий атеистических гонений. Монастырь был передан Русской Православной Церкви еще в 1987 г., в канун тысячелетия Крещения Руси, и был из первых возрожденных в России.

Здесьняя кедровая роща реликтовая и в природном своем естестве, и в историческом прошлом. Деньги на посадку сибирских деревьев пожертвовал Иоанн Грозный, излечившийся в Толгском монастыре от болезни ног. Монастырские кедры - священные деревья, за которыми заботливо ухаживают монахи, и шишки с которых увозят на память о чудесном уголке, где так сильна благодать, паломники со всей России.

...Со Свято-Введенской обители начинаются огромные пространства земли, названной Заволжьем. Промыслительно, что в Толгском женском монастыре почивают святые мощи святителя Игнатия (Брянчанинова), одного из самых почитаемых русских святых нашего времени, родом с нашей Вологодчины. Епископ Игнатий был канонизирован в 1988 г. Поместным Собором Русской Православной Церкви. «История его жизни потрясает, - пишет церковный журналист Андрей Сальников. - Не внешними, конечно, событиями, но глубиной веры, умением отрешиться от всего, кроме служения Богу и Его Церкви, безраздельно отдав этому все свои силы, таланты, здоровье...» Святитель Игнатий, по мнению некоторых исследователей, спас монашество, пришедшее в начале XIX в. в глубокий кризис. Своими трудами он помог возродиться правильной духовной жизни.

Его святые мощи были перенесены в Толгу из Николо-Бабаевского

монастыря на Волге (Ярославская епархия), где он провел последние годы жизни и отошел ко Господу 30 апреля (13 мая по новому стилю) 1867 г. В наши дни возрождается родовая усадьба Брянчиновых Покровское на границе Грязовецкого и Вологодского районов, куда лежит наш путь.

МОНАСТЫРИ ВОЛОГОДСКОЙ ЗЕМЛИ - СЕВЕРНОЙ ФИВАИДЫ

Заволжье встречает нас меньшей населенностью и молчанием долгих болот и лесов. Всё ближе Север-батушко, все дальше к нему уходит наш путь. Мы едем непроходимыми Комельскими лесами, которые спасли русское Заволжье от набегов татаро-монгол.

Заволжские монастыри на Руси вплоть до XX в. пользовались особой известностью. Они по своему устройению совмещали в себе все известные нам по истории духовные, строительные, культурные и военные функции. Важно, что и окрестности обителей в малой степени изменились со времен их основания. Взойдите на гору Мауру у монастыря чудотворца Кирилла Белозерского, и вам откроется тот же вид на Сиверское озеро, который, по легенде, увидели московские монахи Кирилл и Ферапонт шестьсот с лишним лет назад.

...Среди заволжских монастырей несколько столетий славились те, следы которых ныне потерялись, но не заросли травой забвения. Часть из них прекратили свое существование в XVIII в., и на их месте сохранились приходские храмы. Другие канули в вечность еще раньше. Большая же часть обителей была разорена в советское время.

Среди последних числились два прославленных когда-то монастыря, первыми встречающие нас в вологодских пределах - Павло-Обнорский и Корнилиево-Комельский. На карте-схеме Вологодской епархии они так и значатся под номером первым и номером вторым (всего же в синодаль-

ный период в Вологодской епархии было сосредоточено более пятидесяти монастырей, а к 1917 г. - шестнадцать мужских и пять женских обителей, естественно, действующих).

Троицкий-Обнорский или Комельский мужской монастырь находится в 15 верстах от районного города Грязовца на реке Обноре. Он основан в 1414 г. преподобным Павлом Обнорским. Преподобный Павел родился в 1317 г. в Москве в семье богатых и благородных родителей. Спустя двадцать один год он тайно оставил родительский дом и отправился на Волгу в Христорожественский монастырь и на двадцать втором году принял на себя иноческое пострижение. Эта обитель располагалась недалеко от города Мышкина в ярославских землях и была закрыта еще до царствования императрицы Екатерины II. Правда, исследователь русских монастырей В.В. Зверинский указывает на более раннее появление в этих краях преподобного Павла - 1334 г. Известно, что биографические данные святых с трудом поддаются проверке. Согласно житию, преподобный Павел жил 112 лет, что можно считать легендарным фактом. Но у В.В. Зверинского приводится интересное свидетельство, что Христорожественский монастырь в середине XV в. уже был приписан к Троице-Сергиевой лавре. Не произошло ли это еще при жизни преподобного Сергия Радонежского?

Тогда становится понятным следующий поступок инока Павла: «Испросив себе увольнение у настоятеля, Павел оставил Рождественский монастырь и направился в Радонежские леса, намереваясь совершенно отказаться от своей воли и предаться руководству святого старца».

Так встретились два подвижника, и инок Павел вошел в ближайший круг учеников и собеседников Преподобного Сергия. Спустя какое-то время, пройдя поучение, Павел попросился у игумена «на безмолвие и уединение». Получив благословение Сергия, он, по словам жития, 15 лет безвыходно провел в келье, совершая затворнические подвиги. Но и там он

не смог со временем пребывать в надежном пути к спасению, так как монашеская братия стала ходить к нему для духовных бесед.

Павел вновь попросил Сергия благословения на уход из монастыря в поисках полного уединения. Игумен отпустил его, дав ему в благословение медный крест, долгое время хранившийся после кончины преподобного Павла в ризнице Троице-Обнорского монастыря. Многие пустыни и обители переменял в своем поиске духовной благодати инок Павел, пока на берегу речки Грязовицы в Комельском лесу не нашел большое дупло старой липы, в котором и поселился. Три года он вел жизнь суровую, в безмолвии очищал ум духовными созерцаниями. Затем Павел перешел на реку Нурму, где и решил основать обитель. Поистине чудесную картину рисует Житие: «Стаи птиц вились около преподобного Павла, иные из них сидели у него на голове и на плечах, и он кормил их из своих рук; тут же стоял медведь, ожидая пищи от пустытника; лисицы, зайцы и другие животные бегали вокруг, не опасаясь сильнейших и не нападая друг на друга, но смиренно ожидая своей очереди».

С Преподобным Сергием произошла и еще одна встреча у Павла, когда он по знамению и по наущению собравшейся братии решил строить храм и обитель, но прежде пожелал испросить очередного благословения у своего учителя. Преподобный Сергий был уже на одре болезни, но тем не менее посоветовал Павлу немедленно приступить к построению монастыря.

Так началась история Троицкой мужской обители. Немало еще подвигов совершил за свою долгую жизнь преподобный Павел Обнорский, слава о нем широко разнеслась по окрестностям, монастырь богател с каждым годом. После кончины преподобный был захоронен в церкви Сергия Радонежского, и когда в 1546 г. копали рвы для фундамента каменного храма на этом же месте, были обретенны мощи преподобного Павла.

Как и все другие северные и северо-восточные монастыри, Павло-Обнорский то горел, то подвергался разорению, но неизменно отстраивался, восстанавливаясь по Божьему промыслу. За семьдесят лет в XX в. мало кто верил, что среди его каменных развалин может вновь начаться монашеская жизнь. Но такое чудо свершилось: сегодня Павло-Обнорский монастырь вновь полнится насельниками, в нем кипят восстановительные работы, и в недалеком будущем, верится, монастырь будет встречать всех паломников и путешественников в начале Вологодской области своим ухоженным и благолепным видом.

В стороне и ближе к Грязовцу находится другой, не менее известный прежде, Комельский-Введенский мужской монастырь, связанный с именем преподобного Корнилия Комельского. Основан он в 1497 г. Но за десятилетия атеистических гонений был доведен до плачевного состояния, так что сегодня можно лишь молча помолиться на его руинах, вспоминая, что здесь когда-то, в золотые времена русской святости, принял иночество целый сонм местночтимых святых, основавших позднее свои пустыньки и монастырьки по всему Русскому Северу.

От Грязовца совсем близко до Вологды, культурной и исторической столицы Русского Севера. Город знаменит своим кремлем и Софийским собором, построить которые повелел Иван Грозный. Недавно во время очередной реставрации в соборе были найдены фундамент царского места и ниша в стене, где, очевидно, предполагалось похоронить русского царя. Эти сенсационные открытия подтверждают догадки отечественных историков о том, что Грозный задумал укрепиться в северных краях, построив здесь свою резиденцию. Софийский собор и кремлевские стены он воздвигал с размахом, не скупясь на средства и материалы.

Но судьба не позволила Вологде стать русской столицей, она так и осталась губернским, а затем и областным центром. Вологжане гордились,

что до 1917 г. в городе насчитывалось более 50 храмов. По их количеству на число жителей Вологда превосходила даже город «сорока сороков» Москву.

В Вологде, как и в любом крупном древнерусском центре (датой ее основания считается 1147 г., и в этом она тоже родственна Москве), располагались и богатые монастыри. До нас дошли единичные постройки от нескольких когда-то уважаемых и почитаемых обителей, к примеру, от Горнего Успенского монастыря. Остальные снесены.

Кафедральный собор города располагается у ликвидированного кладбища за железнодорожным вокзалом. В 30-е годы XX в. этот храм был чуть ли не единственным действующим в Вологде. Сегодня православная общечественность Вологды ставит вопрос о возвращении Церкви кафедрального Воскресенского собора, расположенного в комплексе зданий кремля, - бывшего Архиерейского дома. В соборе сегодня размещается Вологодская картинная галерея.

Без теплящихся в окнах храма свечей, без тихого церковного пения ансамбль городского кремля, особенно по вечерам, выглядит театральной декорацией. Он не живет городской жизнью и как бы искусственно оторгнут от вологжан. Придет время, и Воскресенский собор примет верующих людей, вновь станет теплым церковным Домом древней Вологды.

Рядом находится неповторимая и незабываемая Соборная горка - высокий склон над рекой Вологдой у кремля. Вид с нее - самый красивый в городе. Перед глазами на излучине реки возникает панорама заречного берега с сохранившимися храмами. Передохнув здесь с дороги под сенью вологодских берез и попробовав вкуснейшие вологодские пироги, которые мы купили в кафе на центральной городской площади, отправимся нако-

нец-то в те края, которые нас давно ждут.

Кирилловская дорога начинается в самой Вологде. Она называлась в разные времена то Вологодской, то Белозерской, то Каргопольской, то просто Большой. Свое современное имя она получила в начале XV в., когда преподобный Кирилл Белозерский вместе со своим спутником Ферапонтом, выйдя к Сиверскому озеру в 1397 г., основал здесь монастырь, будущую «государеву крепость».

И открывалась эта дорога с монастыря - Спасо-Прилуцкого на излучине-луке Вологды-реки. Два собеседника, два ученика Сергия Радонежского преподобные Димитрий Прилуцкий, уроженец Переславля-Залесского, и москвич Кирилл Белозерский освятили своими именами почти 130-верстный путь.

От Спасо-Прилуцкого Димитриева монастыря в честь происхождения Честных Древ, мужского, ныне действующего, в котором нужно поклониться святым мощам преподобного Димитрия, небесного покровителя Вологды, и обязательно посетить могилу поэта пушкинских времен Константина Батюшкова, дорога забирает все дальше на северо-запад, огибая болотистую котловину озера.

Но не будем спешить. Спасо-Прилуцкий монастырь еще издали, на подъезде напоминает древнерусский город с мощными стенами. Слово создан он в одно время, да так и сохранился на века. Благодаря тому, что в обители в советские годы располагался военный склад (шутники говорили, что в нем хранили конские противогазы), который хоть как-то охранялся, и куда пропускали всякого, кто хотел побывать в монастыре, ни одно здание в нем не было порушено, все они поддерживались в более или менее пристойном виде.

Продолжение следует.

Никольская башня
Московского Кремля.
Начало XX в.

**ВАДИМ
ДЕМЕНТЬЕВ**

ПО СЕВЕРНОЙ ДОРОГЕ

Главы из книги

Никольская башня
Соловецкого монастыря

Начало публикации в «Вологодском ЛАДЕ» № 2-4 за 2006 год

А теперь отправимся в «край добра и чудес», как писал учитель и любимый собеседник Рубцова поэт Александр Яшин. Наш путь лежит в самые потаенные и сокровенные места земли русского спасения и преображения.

Современные паломники, которые устремляются из Вологды к северным монастырям, добираются до них по прекрасному шоссе, которое заметно спрямило старую дорогу, вымощенную кое-где еще булыжником. Их путь из Вологды начинается с проспекта Победы, от стен чудесной Царе-Константиновской церкви, одной из архитектурных доминант старинного города. В исторических документах известен стоявший здесь деревянный храм Сретения образа преподобного Димитрия, «что на Кобылкине улице». Чудотворная икона преподобного Димитрия Прилуцкого кисти великого Дионисия сопровождала войско Ивана III в походе на Казань. После возвращения икона, как писал священник Сергей Непин в книге «Вологда прежде и теперь» (1906), «была богато украшена и с большой милостыней возвращена монастырю». В Вологду она прибыла 3 июня 1503 г. и с крестным ходом проследовала в Спасо-Прилуцкую обитель. На месте, где и поныне на проспекте Победы (бывшая Константиновская улица) стоит каменный храм с красивой шатровой колоколь-

ней, происходило сретенье с чудотворным образом.

Благодарные вологжане при громадном стечении народа ежегодно в июне от церкви устраивали крестный ход в Спасо-Прилуцкий монастырь. Теперь традиция эта возобновлена, праздник Сретенья с чудотворной иконой становится общевологодским, а Царе-Константиновская церковь вновь открыта для верующих. Эту с храмом и соседним деревянным домом, который за ветхостью уже снесли, мне подарил замечательный вологодский художник Валерий Страхов. Этот вид - единственное, что осталось от воспоминаний моего детства, ибо на месте улицы, где я родился, построен новый городской микрорайон, который стер с лица земли все памятные мне подробности.

Спустя несколько минут после нашего свидания с Царе-Константиновской церковью слева по дороге у бывшего села Григорьевское, ставшем пригородом Вологды, промелькнет белая каменная часовенка, но я советую найти время, чтобы возле нее или рядом остановиться. Это путевая часовня XIX в. во имя святого благоверного князя Александра Невского. Горожане ее восстановили, а недавно Вологодский казачий отдел преподнес в дар прихожанам и всем тем, кто странствует с Божьей помощью по дорогам, деисусный ряд иконостаса. Подобные путевые часовни нынче стали редкостью, при перестройке,

расширении дорог многие из них были разрушены. И вот здесь, в начале Кирилловского тракта, она не только сохранилась, но и с помощью благотворителей обрела свое второе рождение. Помолимся в ней на дорогу, поставим свечу за то, чтобы наш дальнейший путь стал легким.

Через поселок Молочное, родину вологодского масла, выезжаем к началу Кубенского озера. Вот оно, перед глазами, с каждым километром разливается все шире и шире до горизонта. На крошечном острове посредине озера размещается одно из чудес Севера - Спасо-Преображенский монастырь. Если Кижы - это деревянное чудо, то Спас-Камень (так сокращенно зовут монастырь) - белокаменное чудо. К сожалению, о последнем мало кто знает, ибо в 30-х гг. XX в. монастырь взорвали, уничтожив не только первый каменный храм Русского Севера - Спасо-Преображенский собор постройки 1481 г., но и вычеркнув из памяти «один из трех центров духовности Святой Руси», как писал русский философ-эмигрант Г.Федотов. Сегодня островной монастырь, благодаря героическому се-

мейству вологжан Плигиных, восстанавливается.

Церковный град из 16 монастырей и 30 приходских церквей на Кубенском озере поражал всех, кто его видел. 22 святых Русской Православной Церкви подвизались в здешних краях.

Едва ли не первым описал этот град известный литератор пушкинской эпохи, профессор Московского университета Степан Шевырев, совершивший в 1847 г. паломническую поездку в Кирилло-Белозерский монастырь. Еще на подъезде от Спасо-Прилуцкого монастыря к озеру он насчитал 17 прекраснейших по архитектуре церквей, по храму на каждые две версты. Было чему удивляться!..

Здесь бывал великий князь Василий Темный, его сын Иван III по прозвищу Державный и его наследник на царском престоле Василий III Иоаннович. Мимо кубенских деревень проносились санные поезда в снежной поземке с Иваном Грозным и Петром Первым. Тянулись строго охраняемые возы с сокровищами государства, которые укрывались от иноземных захватчиков вместе с царской казной и

Спасо-Каменный монастырь

с ближайшими родственниками того или иного властителя то в Каргополе, то в Белоозере.

Любое паломничество избирательно, паломник ставит перед собой какую-то определенную цель и стремится ее исполнить. В этом его отличие от странника, который бредет куда глаза глядят. Да и любопытствующий турист всего лишь случайный созерцатель.

Для меня многолетняя цель путешествий по Северной дороге заключалась в посещении Кириллова и Ферапонтова монастырей, без которых в иные годы я не мог прожить. Но со временем образовалась иная потребность - я стал добираться до другой святыни. Это - Спасо-Каменный Преображенский монастырь, что на Кубенском озере.

Чудо, да и только - можно сказать обо всей истории монастыря. Но настоящее чудо произошло в наши дни, когда из гор кирпича и битых бутылок стал восстанавливаться красавец монастырь. И всё это происходит на острове размером 120 шагов в длину и 60 шагов в ширину.

ИСТОРИЯ СПАСО-КАМЕННОГО МОНАСТЫРЯ

В сентябре 2003 г. на колокольне трапезной Успенской церкви Спасо-Каменного Преображенского монастыря был установлен новый позолоченный крест. Снова над Кубенским озером засиял, как солнце, символ христианства, видимый издали. Проезжаешь по берегу, и в отдалении на крошечном острове золотой искрой сверкает вершина маковки отреставрированной колокольни. Плынешь на лодке по озеру и находишься под защитой креста. Выглянешь в окно родного дома, а он, крест, как бы парит над водой в тихом небесном свечении. И спокойнее станет на душе. И поймешь, что родина твоя вечна.

Правда и то, что никогда за долгие годы монастырь на острове не лишался православного символа. Колокольню не взорвали только потому, что

посчитали - нужен маяк на озере. Утилитарность служения людям Божьего храма была даже в чем-то символической. Он, и обесчещенный, вселил всем надежду на помощь, на спасение. И крест на колокольне, который поленились снять в надежде, что без ухода и догляда он сам вскоре рухнет, либо его собьет молния, также был, хоть и оскорбленным, но прощающим людей символом веры и спасения.

Но он чудесно устоял за все эти десятилетия. Ни ветра его не погнули, ни молнии не спалили, ни ржа его не подточила. О человеке, который не сдается тяжелым жизненным обстоятельствам или смертельной болезни, говорят, удивляясь и восхищаясь: «В чем и душа-то его держится?!» О Спасо-Каменном кресте можно сказать точно также. От колокольни остался один только кирпичный остов с бойницами пробитых окон, маковка ее покосилась, вот-вот готовая сорваться вниз, но крест крепко зацепился буквально за небо и... «нес свой крест».

Успенская колокольня чудом, повторяю, выстояла, чуть накрываясь от взрыва Преображенского собора. С Вологодского берега эта каменная вертикаль с расположенными рядом высокими тополями напоминала карбас с парусом, возвращающийся из дальнего плавания в родную гавань. Сломай ее окончательно, и Спас-Камень лишился бы всего. Только груды кирпичей, поросших дикими кустами и травами, напоминали бы случайным путешественникам, что здесь когда-то существовал один из духовных центров Руси.

Православный Крест, а не языческий Камень спас остров! Имя ему поэтому - Спас-Крест.

Мы видели прежний крест, снятый реставраторами с Успенской колокольни и заботливо помещенный ими в самостоятельный музей святынь этого места в просторном зале восстановленной монастырской гостиницы. Почерневший от времени, надежно склепанный в сельской кузнице, он не потерял ни одной полосы железа в своей конструкции и, верю, мог бы

еще простоять не один год, дожидаясь, когда люди опомнятся и придут на остров.

Есть своя символика и в том, что новый позолоченный крест сделан в Челябинске, на уральской земле. Со Спаса начинался древнерусский путь на Урал. Теперь золотокузнецы Камня, как называли в старину Уральские горы, установили знак памяти тем, кто открывал их природные кладовые.

Остров и сам светоносен. Здесь круглый год днями светло, а безоблачной ночью призрачно. Весной и летом - от солнца и луны, зимой - от снега и льда.

Остров чутко бережет свои тайны. Кто и когда первым ступил на его каменистую землю? Когда здесь возникла монашеская жизнь? На последний вопрос большинство местных жителей ответят: монастырь построил ростовский и белозерский князь Глеб Василькович в 1260 г., о котором я рассказывал, когда мы побывали в Ростове Великом. Такова монастырская легенда, записанная еще в конце XV в. старцем Паисием Ярославовым, постриженником этой обители, бывшим игуменом Троице-Сергиева монастыря, который после пожара 1472 г. «от старых книг собрал» материалы для своего «Сказания о Спасо-Каменном Преображенском монастыре».

НАЧАЛО КАМЕННОГО МОНАСТЫРЯ

Первым, кто из отечественных исследователей заинтересовался исторической канвой Сказания Паисия Ярославова, был В.О. Ключевский. В своем знаменитом труде «Древнерусские жития святых как исторический источник» он подчеркивает, что для анализа нескольких житий северорусских святых «важна летопись Спасского Каменного монастыря, составленная Паисием Ярославовым». Приводя ряд бесспорных фактов, касающихся неточностей и ошибок в рассказе о современных автору событиях, историк заключает: «Это делает

вероятным предположение, что и многие известия о монастыре до XV в. взяты летописцем из устного монастырского предания, а не из какого-либо старинного письменного источника». И далее: «По началу сказания видно также, что составитель его вслед за преданием смутно представил себе судьбу монастыря в XIII и XIV вв.».

Почти полтора столетия легенду об основании монастыря князем Глебом Белозерским, который якобы во время бури на озере чуть не утонул, но чудесным образом спасся на острове, переписывают со слов Паисия Ярославова современные историки и краеведы. Она, действительно, легко zapomинается. Устная молва еще при-сокупляет такую красочную деталь: будто бы корабль, в котором находился князь Глеб, вообще затонул. В тяжелых доспехах князь пошел на дно, но вдруг ощутил под ногами камни и радостно воскликнул: «Спас камень!»

Я понимаю, что проверять легендарный рассказ логикой реальных условий жизни вряд ли целесообразно, но в данном случае приходится это делать, так как эта сказка о спасшемся князе стала спустя столетия подлинной былью, не подлежащей сомнению.

Чудесно спасшийся князь неожиданно узнает, что на Каменном острове живут иноки, «состарившиеся многие годы в подвигах духовных». Девять лет уже прошло с тех пор, как, согласно сказанию, князь Глеб «иде на Бело езеро в свою отчину», то есть девять лет он является властителем края; срок достаточно большой, чтобы узнать о существовании в его владениях колонии пустынножителей с довольно-таки большой по тем временам монашеской братией... И где? Не в глухих лесах, в которых можно укрыться, не за мхами-болотами, куда не пробраться, а на главном торговом водном пути всего Заволжья.

Князь известен тем, что был непоседлив, много и долго путешествовал, регулярно приезжал в свою родовую метрополию Ростов, несколько раз бывал в далекой Орде - в городе Каракорум, воевал с ясами в Юж-

ном Дагестане, был женат на дочери хана Сартака, после крещения носившей имя Федоры, и, наконец, наследовал ростовский княжеский стол. Но если судить по Сказанию, то получается, что такой активный властитель, хитрый и опытный правитель, широко известный устроитель своей отчины не удосужился за девять лет правления в княжестве узнать, что происходит у него под носом? Маловероятно всё это. Тем более, что князь Глеб Василькович почитаем и за действительную помощь православной церкви в белозерских землях. Он строил церкви, основал в 1251 г. Троицкий Усть-Шехонский монастырь на реке Шексне.

Рассказ о чудесно спасающемся в бурных водах князе или ином знатном персонаже является в мировой литературе «ходячим» сюжетом.

Но вернусь к Сказанию Паисия Ярославова и восстановлю первооснову легенды об открытии Спас-Камня. Такого открытия и не происходило, ибо был он всегда на виду у всего мира. Путь с Волги через Кубенское озеро на Северную Двину, по словам археолога Н.А. Макарова, слыл известным со времен неолита. С тех пор существовал и Каменный остров. Не два десятка монахов, как пишет старец Паисий, пребывали на острове и жили между камней, а язычники со своими жрецами молились здесь у «священного» камня, над которым был сделан деревянный навес или какое-то другое сооружение (от первоосновы легенды осталось странное в устах православного летописца Паисия выражение: «у них, у иноцев, молитвенный храм, сиречь часовня»). Новгородский воевода, посланный за данью в «полуночные страны», спасаясь от шторма, наткнулся на них совершенно случайно. Пока озеро не стихло, он беседовал на острове с язычниками, пробовал обратить их в истинную православную веру, спорил с волхвами. На обратном пути, возвращаясь из Заволочья, новгородский воевода вновь высадился на знакомый остров, нашел его безлюдным, водрузил на нем крест, предварительно разрушив

языческую кумирню. Все эти события могли развернуться в начале XI в. Раскопки археологической экспедиции Н.А. Макарова у деревни Минино на берегу Кубенского озера подтверждают, что первые христиане появились здесь как раз в эти десятилетия.

Почитание креста на острове, над которым была возведена православная часовня, а позднее и церковь, продолжалось два с половиной века. Здесь молились те, кто плыл в дальние странствия, кто спасался от бурь на острове. Монастырь складывался как бы сам по себе. Он являлся главным православным миссионерским центром в округе, где еще были живы языческие традиции и верования.

Поэтому чудесное спасение в праздник Преображения Христова князя Глеба Васильковича - не более, чем легенда. Почему, в ином случае, все знаменитые северные островные монастыри - и Валаамский, и Соловецкий, и на озере Воже, основанный преподобным Мартинианом Белозерским, и даже Кижский островной погост - носят одинаковые наименования - Спасо-Преображенские? «С идеями островного богословия, основанного на образах Апокалипсиса, - отвечает на этот вопрос историк Н.М. Терехихин, - тесно связана символика Преображения... Образ Преображения является центральным символом иконой исторического движения русского народа, направленного на освоение просторов полуночных стран. По своей глубинной сущности это движение было религиозным исканием «нового неба и новой земли», изображенных в апокалиптических пророчествах Иоанна Богослова. Смысл освоения Севера и заключается в его Преображении...»

Спасо-Каменный монастырь служил духовным маяком для тех, кто отправлялся к Белому морю, кто задумал подняться до отрогов Урала и пройти еще глубже - в Сибирь. Он представлял собой с самого начала основания идеальную модель монашеской обители. Он был населен подвижниками, жившими сообща, общением, когда на Руси не было еще

киновий. Они пришли сюда, в суровые природные условия, ради спасения своей души, с миссионерскими целями, поднимать и возделывать этот прекрасный край. К сожалению, оторванность от крупных центров привела к тому, что до нас не дошли исторические известия о жизни монастыря именно в эти первые века его существования.

Прошел почти век после кончины удельного князя Глеба Васильковича. Немало пронеслось событий на земле Русской. Свершилась и победоносная Куликовская битва, в которой пали смертью храбрых князя белозерские, славные потомки князя Глеба Васильковича.

Об этом времени Паисий Ярославов не написал ни строчки. Но монастырь, верится, жил своей духовной жизнью и продолжал развиваться. Он относился к ростовской епархии, крупнейшей и знатнейшей на Руси, и принадлежал ярославским князьям, которые помогали его обустроить. К продолжению своего рассказа Паисий Ярославов, сам, судя по его прозвищу, выходец из ярославских земель, вернулся, когда игуменом Спасо-Каменного монастыря был назначен Дионисий Цареградский, или, по другому, Дионисий Грек - выдающийся религиозный деятель и духовный подвижник своего времени.

ОБ ИГУМЕНЕ ДИОНИСИИ ЦАРЕГРАДСКОМ И О ГРИГОРИИ ПРЕМУДРОМ

Дионисий Грек, он же Цареградский, он же Святогорец, действительно, в конце XIV в. оказался на Каменном острове, но был ли он первым игуменом монастыря, как утверждает Паисий Ярославов? В книге вологодского священника Иоанна Верюжского в главах о преподобных Дионисии Глушицком и Иоасафе Каменском называется предшественник Дионисия Грека на настоятельском посту - игумен Григорий, «который 14 марта 1396 г. за добродетельную жизнь был возведен на ростовский архиепис-

копский престол». Откуда почерпнул эти сведения отец Иоанн Верюжский неясно: может быть, из житий преподобных Дионисия Глушицкого и Александра Кушитского. Как бы то ни было, процитирую те места из книги И. Верюжского, которые касаются интересующего нас игумена Григория. В главе «Преподобный Дионисий Глушицкий и его ученики» говорится: «Спасокаменские игумены Григорий и Дионисий, бывшие один после другого архиепископами ростовскими, своими иноческими подвигами, введением строгого порядка и мудрым управлением столько возвысили и прославили этот древний, но малоизвестный и бедный монастырь, что для их современников он стал тем же, чем была впоследствии лавра Сергиева». После рассказа о том, как Дионисий Глушицкий со своим «единоправным другом и сподвижником» Пахоимом возобновили Святолуцкий Николаевский монастырь, и Дионисий Глушицкий направился в Ростов к архиепископу Григорию просить на то благословения, И. Верюжский вновь подчеркивает предыдущую информацию и даже ее расширяет: «Архиепископ Григорий, бывший пострижник и игумен Каменский, с любовью принял выходца из Каменного монастыря, вполне одобрил его намерение и не только дал ему все просимое, но и самого просителя возвел в священный сан». Значит, Григорий был в свое время не только настоятелем Спасо-Каменного монастыря, но и его пострижеником? В главе «Преподобный Иоасаф Каменский» И. Верюжский поправляет неизвестного автора Жития князя-инока, когда тот называет старца Григория, бывшего, по словам агиографа, наставником в островном монастыре преподобного Иоасафа, «епископом Ростова». «...Это несправедливо, - замечает И. Верюжский, - ибо тот был архиепископом уже с 1395 г., а в 1416 г. преставился, когда Андрей (он же будущий инок Иоасаф) еще не родился».

Когда приехал «на Каменное» Дионисий Грек, то не было уже в живых ни Дмитрия Донского, ни Сергия Рад-

нежского (игумен скончался в 1391 г.). Рассказ о прибытии его в Москву из Царьграда и другие факты его биографии, без сомнения, подлинны. Монах Дионисий вполне мог пользоваться покровительством великого князя, был известен в Москве. Его знал святитель ростовский Феодор, сын старшего брата преподобного Сергия Стефана, с

Спaso-Каменный монастырь. Январь 2007 года

ним хорошо был знаком по Афону митрополит Киприан. Образованный воспитанник одного из афонских монастырей, стойкий приверженец исихазма, сторонник строгого монастырского устава, Дионисий Грек, казалось, был предназначен судьбой для больших дел, а не проводить свои годы в привилегированном московском Богоявленском монастыре недалеко от Кремля. Все заинтересованные лица были знакомы друг с другом, сами принимали решения, и им не было нужды выслушивать просьбы кубеноозерских старцев. Интересная деталь для размышления: в те же годы, когда Дионисий вступил на землю каменистого острова, по соседству, на Сиверском озере, появились и два других известных московских монаха - Кирилл и Ферапонт Белозерские, основатели знаменитых монастырей.

Если Кирилл и Ферапонт сами выбирали место для своих духовных подвигов, хотя и хорошо знали, куда они направляются (Ферапонт бывал в этих краях по служебной надобности, «как снабженец», замечает Г.М. Прохоров, и полюбил красоту Белозерья), то игумен Дионисий попал сюда впервые.

Белозерские и кубеноозерские края в те десятилетия переживали свой подъем: население из центральных княжеств постоянно прибывало, жизнь текла спокойно и зажиточно,

то там, то здесь возникали новые погосты и селения. Здесь, на севере, можно было найти и место монашеского уединения, земли свободной еще хватало с избытком.

И все же выходцу с юга, из греческих земель, Дионисию здешняя природа и климат вряд ли могли показаться райскими. А сам каменный остров с небольшим монастырем посреди огромного озера и вовсе мог нагнать тоску и печаль: за что, мол, мне такая горькая участь?! Для нас так и останутся недоступными переживания и мысли нового игумена, когда он ступил на берег острова. Только твердой верой, ради которой он, афонский монах, мог пойти на любые лишения, можно объяснить его 23-летнее пребывание в деревянном, открытом всем ветрам, монастыре. Шестидесятилетним Кириллу и Ферапонту выпало еще более трудное испытание - им-то пришлось начинать обустройство новых обителей с воздвижения крестов и с оборудования землянок, где на первых порах можно было бы жить и молиться.

Вероятный замысел, который родился в Москве, касался личности и подвига Дионисия в первую очередь. Его патронам необходим был активный, деятельный человек средних лет, который бы еще ярче возжег здесь духовный свет нового центра русского православия и культуры. В этих

планах Спасо-Каменной обители предназначалась материнская роль помощи и воспитания новых монашеских «деток», целой колонии монастырей в окрестных землях. Отец Иоанн Верюжский по этому поводу писал: «Много лет Дионисий управлял обителью... Он благолепно украсил церкви святыми иконами, обогатил книгами и прочей церковной утварью, устроил все необходимое для общежития и ввел в монастыре строгий устав Святой горы... От его руки, в числе других, приняли пострижение, под его отеческим руководством начали подвизаться и много лет служили украшением братии преподобные Дионисий Глушицкий, Пахомий Святилоуцкий, Александр Куштский и Евфимий Сямженский, пока не достигли зрелости духовного возраста и сами не сделались основателями новых обителей. Около этого же времени подвизались в монастыре почивающие в нем угодники Божии преподобный Петр Каменский и Василий Каменский, Христа ради юродивый».

Почву для возвышения обители подготовил святитель Григорий Премудрый, а его верным учеником и собеседником был Дионисий Грек, который являлся настоятелем в Спасо-Каменном монастыре примерно с 1395 по 1418 гг. В этот же год, 18 октября, он возглавил ростовскую епархию.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ НА ОСТРОВЕ В СЕНТЯБРЬСКУЮ НОЧЬ 1446 ГОДА

В эпоху межкняжеской войны Спасо-Каменный монастырь оказался в эпицентре сотрясавших Русь событий. Паисий Ярославов постарался изложить их более подробно и с интересными деталями:

«В лето 6955 (1447) грех ради наших князь Дмитрей Шемяка Юрьевич изменил крестное целование великому князю Василию Васильевичю и благоверной великой княгине Марье и детям их, свел великого князя с великого княжения Московского и дасть

ему Вологду. И немного побыв на Вологде, приходил на Каменное в монастырь молитися и с своею великою княгинею и з детми своими, и братию кормил, и милостыню дал доволну. Игумен же тогда бысть Еуфимей на Каменном. Тогда же и прииде ему перваа весть радостна, что идут к нему многие князи и бояре служити, хотя его видети на великом княжении. И постави князь великий и с великою княгинею и з детми чудоторную икону Спас Эммануил, яже принесена к деду его к великому князю Димитрию Ивановичю Донскому из Царяграда, во церкви Святаго Спаса в монастыри на Каменом. И от тое иконы бывають чудеса велиа и знамена людем, с верою приходящим, и болным исцеления и до сего дне. И другую икону постави Пречистыа Богородица Одигитриа со превечным младенцем, сыном еа и Богом, в той же церкви, яже ныне нами видима. И повелевает, вкупе же и молит князь великий и з великою княгинею и з детми игумену з братиею молити Бога и пречистую Богородицу, чтобы его сподобил бытии на своей отчине, на великом княжении Московском. И отсюду поиде в Кириллов монастырь и на Белоезеро, и во Тверь. И Божию помощию доиде и отчества своего, великого княжения Московскаго, и седе на великом княжении Московском и всеа Руси и со благородным сыном своим, великим князем Иваном Василиевичем всеа Руси.

А князь Дмитрий Шемяка с Москвы побежал в Галич. А Князь великий Иван Василиевич да царевич, шед на Кокшенгу, градки их взяша, а землю их плениша, и, возвратився ко отцу своему, был на Каменном в монастыре, и литургии слушал у Спаса, и хлеба ел, и отсюду поиде ко отцу своему на Москву в лето 6960-е (1452) и сказал отцу своему, что был у Спаса на Каменном в монастыре. Бе же тогда князь великий Иван 15 лет возрастом. Князь же великий Василей Васильевич и з своею благоверною великою княгинею Марьею, и з детми своими исполни обет свой, дал село Покровское над рекою Пучкою в монастырь

на Каменное Спасу и причистой Богородице на своем роду от великих князех и по великих княгинях. А велика княгини Марья взяла монастырек Николы Чудотворца Святую Луку и з деревнями и с угоди у Борисоглебского монастыря и дала в дом всемилостивому Спасу на Каменное по своей души и по своем роду, по великих князех и по великих княгинях. А за Святую Луку дала к Борису и Глебу деньгами. Да великаа же княгини дала в Засодимие село Воздвижение Честного Креста на Каменное же и з деревнями и с угоди».

Эпизод с поездкой в сентябре 1446(7) г. Василия Темного в Спасо-Каменный монастырь описан в Сказании Паисия Ярославова так, как о нем мог рассказать только свидетель пребывания великого князя на острове. В летописях об этом событии нет никаких сообщений. На это обратил внимание публикатор Сказания Г.М. Прохоров, выделив слово «откуда поиде», дважды встречающееся в этом тексте. Если бы этот эпизод описывался со стороны, то была бы употреблена другая форма - «оттуда поиде» и т.д. Вот такая тонкость.

Имеются в тексте иные свидетельства присутствия автора-летописца на острове: такое, к примеру, выражение, как «ныне нами видима», об иконе Богоматери, подаренной Василием Темным монастырю. Но почему-то старец Паисий упустил из вида одну из главных деталей тех событий - в Спасо-Каменный монастырь Василий Темный со своим семейством приехал, будучи ослепленным Дмитрием Шемякой. Даже для экспрессии рассказа, уж не говоря об осуждении дикого коварства со стороны соперника, можно бы было упомянуть об этом факте, отнюдь не рядовом в те времена. Такая «забывчивость» автора только на первый взгляд кажется необъяснимой.

После своей победы Василий Темный не забыл игумена Трифона, переведя его в Москву в архимандриты великокняжеского Спасского монастыря в Кремле, сделав своим духовником и свидетелем, как самого близ-

кого человека при составлении завещания. В мае 1462 г. новый великий князь Иван III, следуя, вероятно, пожеланию отца, назначил Трифона в архиепископы Ростовские, что было равнозначно месту второго иерарха Русской церкви после митрополита. Великие князья видели в Трифоне пастыря и человека, который решительно боролся с удельными порядками, смело и осознанно выступал за единение Руси под началом Москвы.

В Сказании Паисия Ярославова нет ни слова и о том, что Василий Темный отправился в богомольную поездку по северным монастырям, как утверждает в других источниках. Не странно ли это? Читая Сказание, складывается впечатление, что целью путешествия Василия Темного являлся только один Спасо-Каменный монастырь. Нигде, в том числе и в летописях, не упомянут, к примеру, Спасо-Прилуцкий монастырь, куда во время богомолья должен был бы захватить Василий Темный, тем более, что дорога на Спас-Камень проходила мимо его стен. Вероятно, Василий Темный очень спешил, не останавливаясь в дороге, и целью его поездки был, действительно, монастырь на Кубенском озере.

В другом источнике, в «Повести об ослеплении Василия II», записанном, как считается, со слов самого великого князя, когда он доживал свои последние годы «в условиях вечного мрака», эпизод с посещением Спасо-Каменного монастыря вообще отсутствует. Воспоминания Василия Темного сводятся лишь к его поездке в Кириллов монастырь (а не на богомолье по северным обителям, по принятой историками версии), где он «накормил» тамошнюю братию, дав ей милостыню, и куда к нему стали стекаться верные бояре и дети боярские, бежавшие от Шемяки, и воинственно настроенные против последнего. Полностью умалчивается в «Повести...» не только поездка на Спас-Камень, но и снятие игуменом Трифоном крестоцеловальной клятвы с великого князя.

Психологически такие «утайки» собственной биографии можно по-

нять. Рассказчик старался обойти «острые углы», не раскрывая важнейших для его судьбы подробностей, которые он считал глубоко личными и не требующими широкой огласки. Здесь только Бог был ему судьей.

Чтобы восстановить последовательность действий и поступков Василия Темного, их психологические мотивации, вернемся к тому отправному моменту, когда он, сосланный в заточение в Углич, принимает здесь своего противника Дмитрия Шемяку, пришедшего к нему с высшими иерархами Православной Церкви, чтобы покаяться и выпустить его на свободу, дав ему в вотчину Вологду со всеми прилегающими землями. Покаяние произошло взаимное. Искренности Василия Темного и Дмитрия Шемяки невозможно не верить, так как Василий Васильевич признался, как на исповеди, перед высшим духовенством и Шемякой в тяжелых преступлениях перед народом: «Должно было мне пострадать за грехи и беззакония мои и за нарушения крестного целования, данного вам, моим старшим братьям и всему православному христианству, которое я губил и хотел погубить окончательно (выделено мной. - В.Д.). Достоин я был смертной казни, но ты, государь мой, проявил ко мне милосердие свое, не лишил меня, отягченного грехами, жизни, но дал мне возможность покаяться в них». Замечу еще раз, что эти слова чистосердечного признания приводит близкий великому князю летописец, записывая их из уст самого Василия Темного. Они произвели на присутствующих в Угличе сильное впечатление: «И плакали все, глядя на него». По сути, Василий Темный признался в том, что он виноват, что, да, смалодушничав в плену, пообещав им огромный «окуп», то есть выкуп, за свое освобождение «заложил» Русь татарам. Это великокняжеское раскаяние не может нас не поражать, так же как спустя столетие покаянные послания Ивана Грозного кирилловскому игумену Козьме с братией: «Увы, мне, грешному! Горе мне, окаянному! Ох, мне, скверному!».

Примирение многолетних противников в Угличе закончилось той самой, известной нам, крестоцеловальной клятвой и последовавшим великим пиром, после чего Василий Темный был отпущен на свой удел в дальнюю Вологду.

Я думаю, что тогда-то и родилось в душе Василия Темного решение удалиться на покой в какой-нибудь окрестный с Вологдой монастырь, принять там добровольное пострижение. После ослепления никто и никогда на Руси, говоря нынешними словами, не возвращался к активной политической деятельности, государственная служебная карьера считалась законченной. Тем более не было смысла за нее бороться после всех признаний и покаяний, после прилюдной, при церковной верхушке, клятвы с крестоцелованием. После того, как его верные соратники скрылись, избегая ареста и смерти, в соседней Литве, а мать Софья Витовтовна содержалась Шемякой по-прежнему в заключении. Всё проиграно!.. Борьба потеряла смысл!.. Надо смириться... К этому великий жребий Василия Васильевича. Он это понял еще в Сергиевой обители, когда сам по своей воле попал в ловушку, был оттуда, как сноп соломы, вывезен и, как овца безвольная, грубо, даже без крика отчаяния, ослеплен.

Ни эти ли психологические мотивации раскаяния и смирения в душе нашего героя позволили Н.М. Карамзину, первому из историков и, пожалуй, единственному, в своем комментарии к «Иллюстрированной истории России» предположить, что Василий Темный решил удалиться в Спасо-Каменный монастырь от брэнного мира сего, искупая только перед Богом свои грехи?

Всего несколько дней в сентябре провел Василий Темный в своей новой вотчине в городе Вологде, не собираясь здесь обживать, и спешно выехал на Кубенское озеро, взяв с собой семейные реликвии, чтобы принести их в дар монастырю. Великая княгиня и шестилетний сын Иван сопровождали его в поездке, так как ему,

слепому, необходима была элементарная помощь и душевная поддержка в этот решительный для его судьбы и их жизни момент. Ямщики гнали коней без остановок, пока не доехали до села Кубенского. Отсюда на рыбацких лодках вся депутация переправилась в островной монастырь, где была встречена у Святых ворот игуменом Евфимием с братией, предупрежденных о приезде опального князя заранее. Расположились в келье настоятеля и стали ждать начала вечерней службы.

Василий Темный, готовясь к пострижению, со слезами умиления из пустых глазниц дарил монастырю и братии дорогие для него реликвии, святые иконы, которые перечисляет свидетель этих драматических сцен Паисий Ярославов. Среди даров не названа им богатая панагия, хранящая ныне в Вологодском музее-заповеднике. Очевидно, она предназначалась игумену Евфимию. На эту панагию, нагрудный знак, сбереженную в ризнице вологодского Спасо-Духова монастыря, куда был переведен после пожара 1774 г. Спасо-Каменный монастырь, указывает вологодский краевед XIX в. П.И. Савваитов: «Складная круглая панагия, серебряная с позолотой и чернетью, в диаметре два с половиной вершка...». Далее следует подробное ее описание. Понимая, что перед ним выдающаяся по ценности древняя вещь, не зная еще, кому конкретно принадлежал этот вклад, первый исследователь панагии сделал с нее рисунки и показал их в 1860 г. в Санкт-Петербурге в Императорском археологическом обществе. На следующий год рисунки панагии с примечаниями И.И. Срезневского и П.И. Савваитова были напечатаны в «Известиях» этого общества. Срезневский отнес ее изготовление, основываясь на почерке букв и правописании тропарей на ней, к XIV в. Савваитов пояснил, что она называлась «вратною» или «путною», то есть дорожною; в ней духовные власти хранили запасные Святые Дары, отправляясь в дальний путь.

Подготовка к пострижению в мо-

нахи свергнутого великого князя шла полным ходом, когда в Спасо-Каменный монастырь неожиданно прибыл новый гость. Из текста Сказания Паисия Ярославова остается неясным, когда сообщили Василию Темному на острове «первую весть радостную». Кто уговорил его, что при поддержке верных людей вновь появился шанс занять великокняжеский трон в Москве? В той драматической ситуации всё решали буквально часы. Мы располагаем лишь косвенными свидетельствами происходивших событий, которые я решусь гипотетически выстроить.

Среди тех, кто участвовал позднее в Кирилловом монастыре в снятии крестоцеловальной клятвы с Василия Темного, упоминается Макарий Желтоводский и Унженский, о чем сообщает весьма информированный Ермолинский летописец. Как он, игумен основанного им в 1439 г. Троице-Унженского монастыря (ныне г. Макарьев в Костромской области), а до этого игумен другой обители в урочище Желтые воды на Волге в ста верстах от Нижнего Новгорода, весьма почитаемой (Макарьевская ярмарка у ее стен считалась в XVII - начале XIX в. крупнейшей в России), оказался в монастыре чудотворца Кирилла? Почему бы не предположить, что Макарий, активный сторонник Василия Темного, от которого он получал поддержку и помощь еще в Нижнем Новгороде, где великий князь какое-то время скрывался от Дмитрия Шемяки, был направлен заговорщиками князьями и боярами, с призывом и возглавить? Авторитет Макария для Василия Темного был так высок, что только он мог уговорить великого князя вновь подняться на борьбу с Шемякой.

Роль Макария в событиях тех лет особенно, когда велись переговоры в Москве и в Угличе о судьбе ослепленного великого князя, судя по Ермолинской летописи, была во многом решающей, он выступал в буквально смысле судьей между Василием Темным и Дмитрием Шемякой, о чем рассказал летописец, когда описывал

Москве встречу Дмитрия Шемяки с епископами и архимандритами, на которой «бысть туто же муж свят, именем Макарие, игумен Желтоводский». Слово Макария, говорит летописец, имело решающее значение («он яко труба посреди народа, яко едиными усты рекоша»). Когда Шемяка, «видя отсюду обидима», «начать у них прощения просить», Макарий изрек: «Аще ты простить князь велики, то и мы тебя простим». Для Макария Дмитрий Шемяка, как видим, не был великим князем, и ему, как и всем иерархам, необходима была «очная ставка» двух противников, которая и состоялась в Угличе.

Приехав спешно в Вологду, игумен Макарий узнал, что Василий Темный только что отбыл в Каменный для пострижения в монахи. Опоздай Макарий на встречу с Василием Темным, и тогда все его уговоры и просьбы потеряли бы всякий смысл. Он это понимал и пустился вдогонку Василию Темному...

Долгий, трудный разговор происходил между ними в настоятельских покоях Спасо-Каменного монастыря. За окнами завывал осенний ветер, озеро громыхало о берег волнами.

Переиначить Василия Васильевича сначала казалось невозможным. Но постепенно, аргумент за аргумен-

том, Макарий, отменно владевший красноречием, начал переубеждать собеседника. Те известия, которые доходили из Москвы, убеждали, что Шемяка в своем великом княжении не имеет никакой опоры; среди московской знати он считается выскочкой, провинциальной белой вороной, взявшей хитростью и вероломством власть в свои руки. Василий Васильевич для москвичей был куда как роднее и ближе, он свой, и его, пусть даже и слепого, с радостью и вздохом облегчения примут в Кремле. Нужно было только проявить волю к победе, объединить под свои знамена врагов Шемяки и, главное, заручиться поддержкой могущественного тверского князя с дружиной, для этого сосватать малолетнего Ивана за его дочь.

Нам неизвестно, что явилось переломом в настроении свергнутого великого князя, но ближе к утру под влиянием продуманных и серьезных аргументов Макария он решился принять новый вызов судьбы. Шемяку надо уничтожить раз и навсегда!.. И весь его корень вырвать, в том числе и с этих берегов, где ему тайно и явно сочувствует княжеское гнездо Заозерских, Шемякиных родственников.

Утром объявили о своем решении игумену Спасо-Каменного монастыря Евфимию. Скрывать от него свои пла-

ны не стали, веря, что он поймет их, поддержит. И патрон Спасо-Каменного монастыря ярославский князь Александр Федорович Брюхатый, бывший всегда, когда надо, заодно с великим князем, не будет им перечить. «Иди, государь, - напутствовал в тот памятный для всех день Евфимий Василия Темного, - в желаемый путь твой на великое княжение, и Бог устроит твое шествие».

Великий князь Василий Темный с боярами. Миниатюра XVI века

Продолжение следует

Никольская башня
Московского Кремля.
Начало XX в.

**ВАДИМ
ДЕМЕНТЬЕВ**

ПО СЕВЕРНОЙ ДОРОГЕ

Главы из книги

Никольская башня
Соловецкого монастыря

Начало публикации в «Вологодском ЛАДЕ» № 2-4 за 2006 год и № 1 за 2007 год

О ПОЖАРЕ МОНАСТЫРЯ

Что явилось причиной страшного пожара в сентябре 1476 года? Огонь мог перебраться из «кузни», а ветер быстро его раздул. Но погорело не всё, как катастрофично пишет Паисий Ярославов. О чудотворных иконах он и сам в эпизоде, связанном с посещением монастыря Василием Темным, упоминает, что от одной из них большим бывает исцеления «до сего дня», а другая «ныне нами видима». Учтывая, что Паисий записал эти строки после 1481 года, можно сделать вывод, что в новом каменном Спасо-Преображенском соборе, построенном на месте сгоревшей деревянной церкви, эти иконы имелись, то есть они были спасены от пожара. Сохранился и архив монастыря.

Приписка Паисия Ярославова о мощах преподобного Иоасафа, к которым и «ныне» люди приплывают исцеляться, еще раз говорит о том, что автор Сказания все-таки побывал на острове после пожара и постройки каменного Спасо-Преображенского собора. Появился он здесь с целью собрать свидетельства о монастыре для написания своей летописи.

О ПОСТАВЛЕНИИ «ЦЕРКВИ КАМЕННАЯ»

Красавец-собор поражал всех, кто его видел. Он был первым каменным

сооружением в Заволжье. Только через несколько лет в Ферапонтове будет поставлена церковь Рождества Богородицы, позже знаменитая фресками Дионисия. Собор на Спас-Камне давно привлекал внимание исследователей древнерусского зодчества. С его уничтожением была вычеркнута заглавная буква северной архитектуры.

Я впервые узнал кое-какие данные об этом сооружении в 1970 году из статьи архитектора С.С. Подъяпольского «Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря» в исследовательском томе «Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV-XVI вв.». Когда этот архитектор летом 1965 года высадился на Спас-Камне, его глазам предстали руины некогда уникального в своем роде церковного комплекса. По мельчайшим деталям С.С. Подъяпольский собирал материал, использовал сохранившиеся чертежи, поэтажные планы и разрезы Спасо-Преображенского собора, выполненные в 1920-х годах В.А. Богусевичем. С.С. Подъяпольский реконструировал фасад каждого храма и общий их вид в XVI в. В строго научном тексте этого исследования, где фотографии развалин соседствуют с рисунками и чертежами, архитектор в заключение статьи не выдержал бесстрастного тона исследования и закончил его такими взволнованными словами: «Стены ке-

лий, подымавшиеся на деревянных ряжах прямо из воды, и встающие из-за них стройные белоснежные храмы, увенчанные пышной короной кокошников, придавали монастырю сходство со сказочным градом».

Взорванный в 1937 году (по другим данным, в 1935 году) на кирпич для постройки дома культуры, собор как бы прикрыл своими мощными сводами, алтарными абсидами и стенами верхнего этажа храм на первом этаже. «Весьма вероятно, - писал С.С. Подъяпольский, - что разборка завалов открыла бы значительные остатки нижних частей памятника; в этом случае может быть поставлен вопрос о полном его восстановлении». Как нам рассказала летом 2003 года Н.А. Плигина, и по сей день этот вопрос окончательно не решен. Трогать руины собора реставраторы не решаются. Они предполагают, что в пустотах нижнего этажа почти семь десятилетний сохраняется свой микроклимат и вторжение в него грозит окончательно утратить памятник.

Каждый кирпич на Спас-Камне был ручной выработки, он, как строительный материал, занимал среднее положение между домонгольской плинфой и брусчатым кирпичом, похожим на современный. Точно из такого же кирпича был сложен и собор Рождества Богородицы в Ферапонтове. Мой родственник Михаил Киринов, работая в Ферапонтовом монастыре реставратором, привез замечательный подарок - цельный ферапонтовский кирпич с копией дионисьевского изображения головы ангела. До сих пор мы храним этот подарок как большую ценность.

Древнерусское зодчество в XIV-XV веках переживало период творческого подъема после смягчения и позднейшей ликвидации татаро-монгольского ига. Древнерусское зодчество в каждом удельном княжестве имело свои оригинальные черты и отличительные особенности. По мнению С.С. Подъяпольского, Спасо-Преображенский собор проектировали и строили ростовские мастера: «Ближайший аналог Спасского собора -

Спасо-Преображенский собор Спасо-Каменного монастыря. Современная реконструкция

собор Ферапонтова монастыря - сооружался на средства Иоасафа Оболенского, бывшего до этого ростовским епископом, а принадлежность собора Кирилло-Белозерского монастыря ростовской строительной школе бесспорно подтверждается именем строившего его Прохора Ростовца». Камень, привозимый с верховьев Волги, о котором написал в Сказании Паисий Ярославов, действительно был известняком из старицких карьеров. По сути, все Верхнее Поволжье участвовало в строительстве первого каменного собора на Русском Севере, и он получился настоящим белым красавцем среди темно-синих озерных вод.

В следующие века на острове будут возведены и другие каменные постройки. Они будут со временем ветшать, разрушаться, перестраиваться, не раз гореть. Произойдет перестройка и Спасо-Преображенского собора. Посетивший в июне 1897 года «маяк православия в северном Заозерье» писатель Александр Круглов оставил его короткое описание: «Стены храма толщиной почти в две сажени (сажень равна 2,13 метра. - В.Д.). Во время ледохода бывает столь сильное сотрясение, что колеблется паникади-

ло. Одна из балок, стягивающих купол и стены, сильно погнулась. В храме ощущается сырость, на стенах видны пятна. Храм не блещет позолотой и украшениями. Внутри все скромно. Можно отметить только над царскими вратами рельефные фигуры Воскресения, выше - Вознесения Господня, да головки херувимов над северными и южными дверями. Живопись отчасти распространяется на стены и заканчивается в куполе изображением Иисуса Христа».

В статье С.С. Подъяпольского воспроизведены фотографии собора, сделанные уже после закрытия монастыря. Купола, кроме одного, уже снесены, окна выбиты, внутри груды камня... Всё это стало следствием не только небрежения, но и пожара, устроенного в сентябре 1925 года малолетними преступниками в оборудованной для них здесь колонии. Тогда выгорели братско-настоятельский корпус, трапезная и колокольня. Рухнули перекрытия, а здания, как пишут, «руинизировались». В тот последний пожар на Спасо-Преображенском соборе сгорела кровля. Первенцу каменной архитектуры Севера оставалось существовать в таком плачевном состоянии совсем недолго.

ПРИЕЗД В МОНАСТЫРЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ИОАННОВИЧА

Годы княжения сына Ивана III Василия Иоанновича, которого крестил Паисий Ярославов, имеют временные рамки - с 1505 года по 1533 год. Зимой 1528 года он вместе со второй своей супругой великой княгиней Еленой Глинской предпринял богомольную поездку по северным монастырям, испрашивая Господа о даровании ему наследника после четырех лет неплодия княгини. Выехали санным поездом в декабре, когда на реках, единственных на Руси зимних дорогах, еще не намело сугробы снега и колея была раскатанной. Василий III в ту поездку посетил Спасо-Прилуцкий, Спасо-Каменный, Глушицкий, Корнилиево-Комельский,

Павло-Обнорский и Кирилло-Белозерский монастыри, везде молясь о чадородии у мощей чудотворцев, основателей обителей, давая братии щедрые милостыни.

Спасо-Каменному монастырю на строительство теплой с трапезой каменной церкви Василий Иоаннович дал немалую по тем временам сумму в 60 рублей. Такой тип церкви получил широкое распространение на Руси. Зимой теплый воздух из повари обогревал и одностолпную трапезу, а монахи после вкушения пищи могли быстро перейти на церковную службу. Это было особенно удобно на острове в зимние метели и холода. Тем более что церковь с трапезной планировалось построить в северо-западном углу острова, самом продуваемом ветром.

Строительство по неизвестным нам причинам началось с большим запозданием - в 1543 году. Церковь Успения Божией Матери заложил ростовец Пахомий Горяинов. Спустя два года деньги, пожертвованные Василием III, закончились. В Москву полетела челобитная о помощи. Ответ нового царя, Ивана Васильевича Грозного, не заставил себя долго ждать.

Царь распорядился не взимать с монастырских крестьян в продолжение трех лет никаких податей в связи с постройкой каменной монастырской церкви с трапезной. Таким образом, вместе с финансовыми средствами Василия III в постройку Успенской церкви были вложены и деньги местных крестьян, чьи подати шли на покрытие расходов по возведению храма. Достраивал церковь уже другой зодчий и строитель - ростовец Григорий Борисов, «трапезный мастер», который строил и в родном для него Ростове Великом, и в Переславле-Залесском. В 1548-1549 годах церковь была освящена. Интересно, что в летописи Спасо-Каменного монастыря, которая нерегулярно велась вслед за Сказанием Паисия Ярославова, нет ни слова о том, что великий князь пожертвовал на церковь с трапезной свои средства, и вообще не упомянуто, что он побывал с супругой Еленой

Глинской на острове. «Промосковские» традиции первого летописца быстро забылись.

Вклады великого князя Василия III во время его богомольной поездки в северные монастыри привели в здешних краях к настоящему строительному буму. Великий князь, заботясь о наследнике, вымаливая его на коленах у раб местных чудотворцев - «скорых защитников», был в эти зимние месяцы особенно щедр и милостив. В 1530-е годы строятся церкви Гавриила и Иоанна Предтечи в Кирилло-Белозерском монастыре, трапезная в Ферапонтовом монастыре, чуть позже трапезная и собор в Спасо-Прилуцком монастыре, трапезная в Корнилиево-Комельском монастыре, церковь в Павло-Обнорском монастыре.

Архитектор С.С. Подъяпольский предположил, что в этом строительстве принимал участие и упомянутый ростовец Григорий Борисов. Достроенная им Успенская церковь на Спас-Камне была одной из наиболее удачных в ряду уже возведенных зданий. Храм-колокольня венчалась несколькими ярусами кокошников, создавая гармоничное единство с куполом Спасо-Преображенского собора и его каменными вертикалями стен. Она не поднималась выше крестов собора, и в этом читался архитектурный замысел - не выпячивать и не возвышать какое-либо другое строение в островном монастыре, посвященном Преображению Христову.

В результате дальнейших перестроек, последняя из которых совершилась в начале XIX века, теплая церковь была подведена под одну крышу с настоятельским корпусом. Получилось в итоге очень удобно: не выходя на улицу, из настоятельского и братского корпуса можно было пройти в трапезную, из нее в Успенскую церковь и на колокольню, далее, через переход, наверху которого располагалась небольшая церковь во имя Василия Блаженного, - в холодный двухэтажный Спасо-Преображенский храм.

Писатель Александр Круглов участвовал в молебне в Успенской церк-

ви у раки преподобного князя-инока Иоасафа, чьи мощи были возвращены сюда в 1892 году. Внутреннее убранство храма было скромно и торжественно. Рака, по свидетельству паломника, была серебряной, находилась под балдахином. Сбоку на стене висела икона с изображением Василия юродивого, стоящего на камне. Из других икон Круглов отмечал замечательную икону Божией Матери «Утоли мои печали» в ризе, осыпанной жемчугом. Рядом с ракой преподобного князя-инока Иоасафа находились железные вериги угодника и обруч с крестообразной перетяжкой, которым князь, очевидно, измождал себя в трудах молитвенных. Но, скорее всего, и вериги, и обруч принадлежали когда-то местночтимому Василию юродивому, а не юному Иоасафу.

В 30-х годах XX века трапезную разрушили, а собор взорвали. Успенская церковь-колокольня осталась стоять на своем месте, только чуть наклонилась от взрыва в юго-западную сторону, словно отшатнувшись от варварства. Те, кто взрывал монастырь, не разрушили ее с прагматическими целями. «На южном берегу, - писала 17 октября 2000 года в районной газете «Маяк» Н.А.Плигина, - установили метеооборудование, а на колокольне - навигационный маяк. На острове организовали пункт по приему и переработке рыбы. В древних погребках соорудили ледник. Коптильня размещалась в восточной части гостиницы, а в задней жила семья мастера. Во время войны рыбу отправляли на фронт».

Приплыв в начале августа 2003 года на остров, мы обнаружили, что бескорыстные помощники Плигиных разобрали кирпичные завалы вокруг Успенской церкви, которые доходили до высоты второго яруса, вычистили до каменного пола развалины настоятельского и братского корпуса, выбрали годный для использования кирпич, которым укрепляли стены и окна Успенской церкви-колокольни. Молодые ребята, добровольные помощники, работали осторожно и кропотливо, каждый кирпич считался

ценностью и тут же шел в дело.

Сегодня все силы реставраторов брошены на восстановление Успенской церкви. В ней уже состоялась первая после закрытия монастыря литургия. На сороковой день после кончины А.Н. Плигина владыка Максимилиан совершил в ней по усопшему панихиду.

А богомольная поездка в декабрьские холодные дни 1528 года великого князя Василия III с женой Еленой Глинской сыграла свою благодатную роль и привела к тому, что 25 августа 1530 года у них родился долгожданный наследник - будущий царь Иоанн Грозный...

КАК ИВАН ГРОЗНЫЙ ДО СПАСА НЕ ДОПЛЫЛ...

В том же 1545 году, когда в апреле Иван Грозный послал в Спасо-Каменный монастырь грамоту об освобождении монастырских крестьян от податей для окончания строительства Успенской церкви, сам он в мае-июне совершил, как и его отец, богомолье по кубенским и белозерским монастырям. Несколько дней ждал он в Устье Кубенском хорошей погоды, чтобы переплыть в обитель, которой столь многим обязаны его отец и прадед Василий Темный, но совершить паломничество так и не удалось. В память о посещении села Устье Иваном Грозным местные жители в 90-х годах соорудили трогательный памятник-знак: на берегу реки Кубены в самом центре поселка на набережной реки установлен за железными цепями большой каменный валун с табличкой, что здесь, в Устье, 450 лет тому назад побывал великий самодержец России.

Не один раз Иван Грозный проезжал по западному берегу Кубенского озера мимо Спасо-Каменного монастыря, направляясь в свой любимый Кирилло-Белозерский монастырь, где собирался принять пострижение и где для него была оборудована монашеская келья. Державные заботы не позволили великому князю, а потом и первому русскому царю завернуть в

древний монастырь, но он его не забывал. В декабре 1561 года Иван Грозный прислал в дар Спасо-Каменной обители колокол, отлитый московским мастером Лукою.

Если бы мы хранили свою веру и берегли родную старину, то можно было бы сегодня представить такую картину: плывет над озером протяжный колокольный звон с Успенской колокольни - это «заговорил» многопудовый колокол Ивана Грозного, подаренный им церкви, в которой горячо молился его отец великий князь Василий III о даровании наследника и где его горячая мольба Богом была услышана.

ВТОРОЙ ПОЖАР (1657 ГОД)

XVII век принес Кубенскому краю немало бед. В начале века в Смутное время здесь хозяйничали польско-литовские и казацкие шайки разбойников, грабившие и уничтожавшие многие местные селения, приходские церкви и монастыри. Затем пришел страшный мор, потом неурожайные, голодные годы... Много тяжкого перенесла монашеская братия, и, казалось, самые трудные испытания уже позади, как в ночь на 24 августа 1657 года запылал, словно скирда соломы, монастырь на Каменном острове. Зрелище пожара в темную звездную ночь с берегов озера было впечатляющим. Келарь Феодосий Резанов так рассказывал архиепископу Вологодскому и Великопермскому Маркеллу: «...Монастырь Всемилостивого Спаса выгорел, и церкви Божии и Божии милосердия образы погорели, и церковные помосты обвалились, и своды каменные на тех церквах порушились, и колокола розлились, и всякие монастырские службы со всяким монастырским строением без остатка згорели...».

Что случилось в ту ночь - случайное ли небрежение в обращении с огнем, поджог ли, - так и осталось тайной. Ясно одно: стоило оставить на берегу непотушенный костер, не загасить вовремя свечу, как гуляющий по всему острову ветер начинал раздувать пламя, лохматить дым, превращать остров в огненное пекло.

Кругом вода, только заливай-туши, но свирепая сила огня не давала насельникам монастыря даже минуты, чтобы опомниться, а некоторым и спастись.

Обитель на сей раз быстро восстановилась. Помогли и частные вклады, и помощь всем миром, и милостыня погорельцам, собиравшаяся по всем церковным приходам и ярмаркам Кубеноозерья. Монастырь был к 1670 году вновь отстроен. Об этом свидетельствует опись зданий, имущества, братии и вотчин. Опись эта сохранилась в архиве Вологодской консистории и является единственным письменным памятником, рассказывающим о древнем быте знаменитой обители.

В монастыре насчитывалось три каменные церкви: холодная двухэтажная Спасо-Преображенская, теплая с трапезной палатой Успенская с надстроенной над ней колокольной и Иоанно-Предтеченская над Святыми вратами. Больше всего пострадала во время пожара Успенская церковь.

Великолепен был внутренний вид Спасо-Преображенского храма. Почти 150 икон, в том числе немало чудотворных и древних, украшали его иконостас, столпы и стены. Все они имели драгоценные оклады и сотни привесок в виде резных иконок и складней из черной и белой кости, дерева, камней, серебра. Везде блистало листовое золото и черненное серебро. Против правого клироса у стены находилась гробница святого благоверного князя Иоасафа с останками его мощей. На раке лежал образ угодника, украшенный серебряным резным позолоченным венцом; на образе лежал деревянный, обложенный серебром позлащенной басмой крест с мощами преподобного. Рака была накрыта двумя покровами из дорогих шелковых тканей.

На колокольне насчитывалось десять колоколов, из них благовестный весил 107 пудов. О шести колоколах в описи сказано, что после пожара их переливал в Москве из горелой меди архимандрит Ефросин. Вероятно, в число их попал и колокол, принесен-

ный в дар монастырю Иваном Грозным.

ТРЕТИЙ ПОЖАР (1774 ГОД)

Решение о размещении в монастырях умалишенных привело Спасо-Каменную обитель к трагической истории. Один из таких страдальцев подпалил на южной стороне крыши трех келий, огонь перекинулся на другие постройки, и «всякое монастырское имущество погорело», как доносил архимандрит Мелхиседек. Случилось это во время пения литургии в четвертом часу пополудни 24 июля 1774 года. Н.Суворов, правда, считает виновником поджога не тронутого умом больного, а одного из ссыльных, содержавшихся в монастыре. Но как бы то ни было (архимандрит Мелхиседек докладывал о престарелом и весьма больном колоднике), Спасо-Каменный монастырь сгорел дотла. Сторожить оставшиеся после пожара колокола и обгоревшее железо было поручено двоим монахам и служителю. Братия с настоятелем переехала в село Пучку на монастырское подворье, трех колодников-арестантов отослали в Кирилло-Белозерский монастырь, а святые иконы и другие ценности вместе со спасенным архивом и казной перевезли в ризницу Спасо-Прилуцкого монастыря.

Судьба погорельцев и самой обители вскоре была решена. В Вологду епископу Вологодскому и Белозерскому Иринию 8 декабря 1775 года пришел указ из Синода об упразднении Спасо-Каменного монастыря и переводе его штата в вологодский Свято-Духов монастырь. Об этом просил церковное начальство и сам владыка. В указе из Санкт-Петербурга было высказано согласие: «...Высочайше повелено погоревший вологодский третьеклассный Спасо-Каменный монастырь, яко немалого казенного кошта к новому строению требующий, упразднить, а находящегося в нем ныне настоятеля и монашествующих, также ризницу и церковную утварь перевести в состоящий в са-

мом городе Вологде оставленный на своем содержании Свято-Духовский монастырь, и оный, дабы перемены не было, писать и именовать не тем званием, коим донныне именуется, но каким прежний монастырь в штате напечатан...».

Огонь вновь не пощадил рукотворное чудо на Каменном острове, не помогла и вода, окружающая монастырь... Хотя закопченными церквям и выгоревшим помещениям именно вода и островной характер обители сохранили дальнейшее существование. Указом Синода разрешалось использовать каменные постройки на острове на «поправление Свято-Духова монастыря». Проще говоря, можно было их разбирать на кирпич, но сделать это из-за трудностей с перевозкой так и не удосужились.

Пожалуй, на сей раз Спасо-Каменному монастырю действительно был нанесен непоправимый урон. Из его святынь спасены были только мощи святого князя-инока Иоасафа, несколько икон и ризничьих утварей. 26 лет глаз пугали темные силуэты церквей и островное запустение. Ни монашеского пения, ни огонька, ни звука... Казалось, древнейший и славнейший на Руси монастырь окончательно запустел и никто даже не помыслит его вновь оживить. Но в России часто случаются чудеса.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

В 1799 году дворянство Вологодского и Кадниковского уездов, купечество соседнего города Кадникова и начальники семи волостей от имени прихожан ходатайствовали перед Синодом о восстановлении Спасо-Каменного монастыря. Финансирование строительных работ и дальнейшее

Спасо-Каменный монастырь. Фото начала XX века

содержание обители авторы послания брали на себя. Явно это были немалые деньги и нелишние для всех, кто подписал письмо.

Спустя ровно двести лет опять встал вопрос о восстановлении монастыря, но пока, увы, средств нет, и второе возрождение духовного центра Вологодчины держится, как это у нас и бывает, на подвижниках-энтузиастах.

А тогда, в начале 1801 года, сам государь император Павел I, а вслед ему и Синод повелели «упраздненный Спасо-Каменный монастырь восстановить переводением в него братии и имущества и причислением к нему угодий заштатной Белавинской Богоявленской пустыни, с наименованием оною уже не прежним своим именем, а Белавинскою Спасо-Преображенскою пустынью». Всем миром и на средства дворян, купцов и крестьян всей округи пустынь быстро подняли из пепла, церкви отреставрировали, кроме надвратной Предтеченской, которую тогда не посчитали нужным восстанавливать из-за частых ремонтов после весеннего половодья, регулярно подмывавшего и разрушавшего ее.

В годы наполеоновского нашегоствия тихая пустынь вновь ожила, в ней нашли спасение 40 монахов из

московских монастырей. Их не испугали аскетические условия жизни среди вольной природы. Московские инокки были настоящими тружениками, не сидевшими и дня без дела. За три года они надстроили одноэтажные кельи, которые размещались на месте трапезной палаты, и возвели над ними настоятельский и братский корпус. Столичные монахи устроили иконостас в теплой Успенской церкви, о чем я уже упоминал. Монастырь окончательно сформировался в своем архитектурном облике, который был запечатлен на первых фотографиях.

И хотя вновь на острове в 1850 году случился пожар, четвертый по счету, когда на восточном берегу выгорели пять деревянных строений: гостиница, каретник, конюшня и две рыбацьи избы - и чуть было не погибли храмы (на соборной Преображенской церкви сгорели две главы), но он, к счастью, не был, как прежний, разрушительным.

ЗАКРЫТИЕ МОНАСТЫРЯ

В июне 1925 года Спасо-Каменный монастырь, просуществовав только официально 665 лет, был по решению новых властей закрыт. Начальник местной милиции руководил этой процедурой и возглавил комиссию по упразднению монастыря. В состав комиссии входил работник музея И.В. Федьшин, благодаря которому сохранились наиболее ценные предметы старины.

Можно представить всю спешку, с которой Федьшин вел по всей Вологодчине эту работу. Ему одному пришлось выявлять, атрибутировать и готовить к перевозке из десятков монастырей и церквей, закрываемых в это время, большое количество произведений искусства, которые накапливались многие столетия. Что взять в первую очередь? Что считать наиболее ценным? Когда за спиной стояла и торопила милиция, когда невозможно было внимательно изучить документы, архивы, приходилось рассчитывать только на свои знания и интуицию.

Последнему настоятелю - иеромонаху Анатолию и пяти инокам приказано было искать себе новую крышу, пойти буквально с сумой по белу свету. На Спас-Камень в июле завезли малолетних преступников, в спешке переоборудовав монастырь под колонию. Не прошло и трех месяцев, как сорванцы сожгли в очередной раз казенный для них приют. Больше ни о каком использовании помещений монастыря и речи быть не могло: сгорели братско-настоятельский корпус, трапезная, колокольня, кровля на Спасо-Преображенском соборе. Осталась одна монастырская гостиница, находившаяся от этих построек в отдалении. Колонию закрыли, сожженный монастырь бросили... Только рыбаки навевывались на остров, где оборудовали метеостанцию, а на колокольне установили навигационный маяк.

После монашеской колонии жить на острове мало кому захотелось. Не было ни стимула, ни желания, ни смысла. Так бы и простояли монастырские здания, разрушаемые только природой, и, может быть, дошли бы до наших дней, если бы не опять наша страсть к вандализму. В 30-х годах уничтожили собор. Будто бы понадобился кирпич для возведения на берегу дома культуры. Взрывать - не строить. Кирпич не удалось взять ни динамитом, ни ломом, ни киркой: он намертво связался крепчайшим раствором за 450 лет в неразъемные блоки, которые видны, лежащие на земле, и сегодня. Интересно бы все-таки найти в архивах документ - кто всё это конкретно придумал, кто заставил совершить это преднамеренное злодейство.

На острове работал пункт по приему и переработке рыбы, в гостинице оборудовали коптильню, там же жил и мастер с семьей. Использовались и монастырские ледники - для хранения той же рыбы. Об этом мне рассказывала Маргарита Александровна Сняtkова, соседка по нашей деревне, которая не раз бывала на Спас-Камне, работая на Кубенском рыбзаводе.

Осенью 2003 года на колокольне Спасо-Каменного монастыря был установлен крест. 19 сентября его освятил владыка Максимилиан, сослужил ему игумен Дионисий. 23 сентября, в день 500-летия преставления преподобного Исаафа Спасокаменского, на Спас-Камне была совершена Божественная литургия, впервые после долгих лет. Возглавил богослужение владыка Максимилиан
ФОТО АНДРЕЯ САЛЬНИКОВА

Изредка на остров приплывали странного вида интеллигенты. Ходили, смотрели, что-то измеряли. Первым еще до закрытия монастыря в начале 20-х годов здесь побывал архитектор В.А. Богуславский, сделавший уникальные обмеры, будто предчувствуя, что недолго стоять здесь каменным зданиям. Эти обмеры, чертежи, поэтажные планы позднее помогли московским реставраторам во главе с С.С. Подъяпольским составить первый проект восстановления монастыря. После пожара 1925 года через три года на острове высадился известный исследователь древнерусского зодчества К.К. Романов. В 1938 году руины взорванного храма исследовали студенты Московского архитектурного института.

Как мы видим, даже в годы, когда истреблялось церковное зодчество, находились энтузиасты, понимавшие великую ценность здешних построек и старавшиеся сохранить и уберечь хотя бы их частицу, деталь, какой-нибудь лепной карниз или изразец.

Надежда Александровна Плигина, составившая скорбную хронику уничтожения всего святого на Спас-Камне, упомянула еще об одной акции по разорению монастыря. В середине 60-х годов местные власти решили «укоротить» и сам остров, вывезя от-

сюда несколько барж камней, укреплявших берега. Многие поколения монахов с огромным трудом доставляли сюда валуны со всего озера, которые служили защитой от волн и льдин. На них-то как раз и покусились «рачительные» хозяева победы.

И вот произошло почти невероятное, когда одни жгли здесь все и вся, а другие собирали камни, и отнюдь не для нового храма, в 1965 году на Спас-Камне приехал архитектор и реставратор С.С. Подъяпольский, чтобы начать долгий процесс восстановления

древней обители. Нужно было довести дело до полного разорения и запустения, чтобы постепенно с этого года начать готовить общественное мнение сначала к мысли, что это место исторически памятное и художественно значимое, затем публиковать чертежи и эскизы - каким оно было несколько сот лет назад, потом осторожно подсчитывать, во сколько обойдется восстановление и кто им займется, и только спустя два десятилетия, в 1983 году, сказать прямо: давайте восстановим архитектурную жемчужину Севера.

Таким человеком, который первый внятно предложил восстановить монастырь, стал московский архитектор-реставратор А.А. Асафов, уроженец села Устье. В 1983 году областные газеты опубликовали его статью о сохранении Спаса-Камня, им же было отправлено письмо на имя руководства области с тем же предложением.

Важен первый шаг, смело поставленный вопрос и предчувствие, что он не останется без ответа. По решению вологодского руководства была создана комиссия специалистов, к 1987 году были подготовлены генплан и частично проектно-сметная документация. В 1991 году проект включили

в план реставрации. Финансирование осуществляли по российской программе «Наследие». Руководство производственными работами взял на себя вологжанин Александр Николаевич Плигин, инженер по образованию.

Перед началом работ Асафов и Плигин побывали на приеме у архиепископа Вологодского и Великоустюжского Михаила и получили благословение на восстановление Спасо-Каменного монастыря.

Остров вновь, в который раз в своей истории, ожил, наполнился голосами, там закипела дружная работа.

СВЯТОЙ КНЯЗЬ-ИНОК ИОАСАФ СПАСОКАМЕНСКИЙ

Иночество - закрытое для мира служение, это жизнь во Христе, со Христом и ради Христа. Досужее любопытство здесь неуместно, бестактно. Совершая паломничество по монастырям, мы, тем не менее, проникаемся духом святости, которая исходит также и от их насельников. «Но, - как справедливо писал архиепископ Тихон (ныне Новосибирский и Бердский), - монашеский уход от мира не означает гнушения миром, не есть осуждение другого пути - пути работы в миру над его преображением, его христианизацией. Из пустыни монахи благословляют христианские города и веси, молятся за них, служат миру для его спасения».

Одним из сонма местночтимых святых, которые особо почитаются на всем протяжении нашего паломнического пути, является святой князь-инок Иоасаф Спасокаменский. Он, как я уже упомянул, связан с обителью на Каменном острове и с историей окрестностей Кирилловской дороги. Мне показалось интересным за-

Деталь иконы «Преп. Иоасаф Каменский в житии». Начало XVIII века

глянуть в XV век, чтобы представить, как и почему люди того времени выбирали путь монашеского служения.

Мощи преподобного Иоасафа Спасокаменского (в миру Андрея Дмитриевича Заозерского) сегодня находятся в красивой раке у левого престола вологодского кафедрального Рождество-Богородицкого собора. Это уже четвертая церковь, куда они перемещаются. Их не постигла участь кощунственного вскрытия во времена атеизма, которого не избежал даже игумен земли Русской Сергей Радонежский; их не выставили в музей на потеху и досужее любопытство, что происходило с мощами других русских праведников; их не зарыли, творя беспамятство, в землю.

Правду сказать, что в далекой древности мощи преподобного все-таки нарушались, но по воле стихии, а не злых людей. Согласно житию князя-инока Иоасафа, они после его смерти в 1453 году стояли в теплой церкви Успения Богородицы Спасо-Каменного монастыря по правой стороне «наверх земли много лет целы и невредимы», то есть выходит, что знатный инок был вообще не погребен. Уже тогда рядом с ними проис-

ходили чудотворения. И все же мощи Иоасафа сильно пострадали от разрушительного пожара в Спасо-Каменном монастыре 3 сентября 1472 года.

Останки преподобного Иоасафа, собранные в ковчег старцем Мартирианом Сокольниковым, долгое время хранились под престолом в каменном Преображенском соборе.

Местночтимым святым князь-инок Иоасаф стал в силу своей праведной жизни, под влиянием таинственных знамений и чудес, происходивших у его мощей. Преподобный Иоасаф Спасокаменский проповедовал любовь как высшую добродетель, нестяжание взамен корысти, самоотречение, усмирял свои мирские желания постоянным духовным деланием, творил за всех умную молитву. Это был выдающийся отечественный исихаст и праведник.

Спустя двести лет, при первом монастырском архимандрите Маркеле для сохранившихся мощей преподобного была сооружена в соборе рака. Паломничество верующих к ней не прекращалось все последующие триста лет.

Можно представить себе, как творил пять лет на каменном острове посреди бурного Кубенского озера юный монах свой духовный подвиг.

Зимой монастырь заносило по верхние этажи снегом, белая пустыня озера казалась вечной в своем безмолвии. Весна приходила празднично: слепило отраженное от ледяных торогов солнце, по всем тайным жилкам природы разливалось тепло, пробуждая окрестные леса от спячки и водяные потоки от льда и снега. И вот уже весь белый полог озера, недавно недвижимый, вздымался хрустальной горой, ухали льды, рассыпаясь вдребезги в полыньях, скрежетали камни, вынесенные на берег напором весеннего буйства. Лето начиналось теплыми белыми ночами, короткими грозами и быстрыми штормами на озере, когда неожиданно налетел северо-западный ветер.

Еще не успев досыта понежиться в тепле, пригретая солнышком, природа к концу августа принималась засыпать, как рыба на мелководье; деревья по утрам прибавляли желтого, красного, пурпурного; в сентябре, случалось, уже пробрызгивал в холодном воздухе первый снежок; иней серебрил озерные камни; постепенно мрачнело, темнело, пока враз поутру не слепила глаза белизна первого снега - вновь приходила ленивая и долгая зима.

Видел ли все эти краски природы

Спасо-Каменный монастырь. ФОТО В. СУТЯГИНА

юный инок, затворившийся от мира? Месяцы и годы проводил он в келье в молчании, в сосредоточенном самоуглублении, в тишине, прерываемой лишь молитвой. «Се покой мой, zde вселюся».

Рядом, в Заозерье, на берегу устья реки Кубены в селе Чирково когда-то жили его родители - отец, Дмитрий Васильевич Заозерский, и мать, княгиня Мария. Здесь находились их палаты возле деревянной шатровой церкви в честь Димитрия Солунского, небесного покровителя отца. Здесь росли его старшие братья, Семен и Федор, сестра Софья, и всей семьей по большим праздникам еще до рождения младшего, Андрея, они выезжали, вернее, выплывали на ладье на богомолье к Спасу, в древний островной монастырь, где игуменом был Дионисий Грек. Жила семья удельного князя в трудах праведных ладно и счастливо, помогая подвижникам монашеским - выходцам из Спасо-Каменного монастыря строить новые обители и храмы.

Своего дядю, Ивана Васильевича Ярославского, Андрей не застал в живых и о том даже не печалился, так как главным для него недетским горем стало то, что он не помнил и родного отца - появился на свет незадолго до его гибели в 1429 году. По рассказам матери, отец отличался добрым нравом, трудолюбивыми заботами о своей многодетной семье, всегда помогал старшим братьям в борьбе с врагами. Он слыл благочестивым помощником Дионисия Глушицкого и Александра Куштского, игуменов новых монастырей, располагавшихся на его землях.

Когда преподобный Дионисий вознамерился на реке Глушице основать монастырь и послал к Дмитрию инока просить о помощи, то князь с радостью уступил ему землю под строеные обители, послал своих плотников для возведения церкви и келий, внес в будущий монастырь обильную милостыню. Так же он поступил и со строящейся обителью на реке Куште, где обосновался преподобный Алек-

сандр. И погиб князь Дмитрий героически на Туговой горе под Ярославлем, призванный братом своим князем Федором защитить отчину и дедину от набега казанских татар, которые до этого напали на Кострому и Галич и, рассыпавшись на шайки, разбойничали по дальним и ближним селам и деревням.

Беда, как известно, не приходит одна: толпа грабителей, узнав, что князь Дмитрий Васильевич с дружиной отправился в дальний путь, разорила принадлежавшие ему селения по Кубене-реке. Княгиню Марию с детьми приютили, спасая от расправы, монахи Спасо-Каменного монастыря. Здесь она и получила черную весть о гибели своего мужа.

Игумен Кассиан, сменивший в монастыре Дионисия Грека, ставшего архиепископом Ростовским и скончавшегося в 1425 году, как мог ее утешал, сам немало печалась о смерти благоверного князя, которого глубоко чтил и уважал. Он проводил княгиню в Вологду и дальше в Ярославль на похороны князя Дмитрия.

Вернувшись в Чирково, княгиня Мария чем могла помогла разоренным крестьянам и посвятила себя всецело воспитанию детей. Старшего сына Семена со временем женила на княгине Марии Кубенской, дочери князя из ярославского же дома Ивана Дмитриевича Дея, близкого родственника, который в приданое за дочь отдал земли по течению реки Кубены, что расширило владения князей Заозерских, а сам Семен стал именоваться князем Кубенским. Вскоре у него родились два наследника-крепыха, и оба Ивана - по прозвищам Большой и Шалуха. Князь Федор Дмитриевич Заозерский учился управлять вотчиной, а младший, Андрей, быстро подрастал. Любимую дочь свою Софью Мария выдала в 1436 году замуж за галичского князя Дмитрия Шемяку. Рассчитывала на родство с великокняжеским московским домом, не подозревая, каким горем для нее и всей семьи это замужество обернется.

Запутан мир, недобр. Думаешь как

лучше, а получается наоборот. Был Марии и Софье послан за год до свадьбы знак беды: налетел на их вотчину шальной брат Дмитрия Шемяки Василий Косой, который тогда был в ссоре с Дмитрием и с великим князем московским Василием Васильевичем. Внушил дьявол мысль князю Василию Косому овладеть великим княжением, но не подчинились ему ни Василий II, ни брат - Дмитрий Шемяка, ни другой его брат - Дмитрий Красный. Выгнали его из Москвы, и стал он разбойничать, пока не добрался до Заозерья. Молодой Федор Дмитриевич Заозерский, защищая Чирково, пробовал от него отбиться, первым напал, да куда там против такой разбойной силы, с которой не совладали даже все московские воеводы, приведенные из Вологды пленными в Заозерье.

Гнал Василий Косой плохо вооруженное ополчение Федора аж до волока Словенского, там же жестоко и посек его, еле Федор оторвался от погони и ушел. Саму княгиню Марию с дочерью и со снохой Деевой, как и московских воевод, захватил на Волоке, бесстыжий, в полон, будто нехрист какой татарский. Слава Богу, что младшего сына Андрея, когда бежали по льду Кубенского озера из родной вотчины, Мария успела спрятать от разбойников у игумена Кассиана на Спасо-Каменном. Не пожалел бы парня под горячую руку Косой, душа чуяла.

Но она, душа, затаилась, промолчала, когда сама направила Софью в такую семейку. Назначив день свадьбы с Дмитрием, уж поздно передумать. Понадеялась Мария на будущее счастье дочери, введенной в великокняжеский московский дом, вспомнила своего ненаглядного князя Дмитрия - и для него бы была радость, что дети начинают взрослую жизнь.

Но опять случился знак судьбы или беды, не поймешь: сама свадьба чуть не сорвалась. Дмитрий Шемяка поехал в Москву приглашать в Галич на свадебный пир своего дядю, великого князя, а тому пригрезилось, что в буйствах Василия Косого на Севере они,

братья, были заодно, тайно повязаны. Велел Василий Васильевич заковать в кандалы новобрачного и свезти подалее, в Коломну. Вместо пира - темница сырая. Вместе свадебной постели - соломы клок. Еле разобрались потом, долго улаживая скандал всем миром.

После свадьбы силы совсем оставили княгиню Марию, захворала она тяжело. Послала из Чиркова гонца к игумену Александру на реку Кушту, которому и сама немало помогала в возведении монашеской обители, просила помолиться о выздоровлении, но преподобный ответил: «Готовься, княгиня, к вечности, через двадцать дней отойдешь в мир иной и будешь прославлена за страдания свои». Так и вышло, как предрек преподобный Александр.

Сыновья и дочь похоронили мать в Ярославле в родовой усыпальнице вместе с мужем Дмитрием Васильевичем. Слава Богу, что не дожила она до полного разора в 1447 году семейных вотчин, когда Василий Темный в наказание за родство с Дмитрием Шемякой пустил все их семейство по миру: отнял у ее сына князя Федора Заозерье, у другого сына, князя Семена, невестки Марии и ее внука, их наследника князя Ивана Большого, - земли по реке Кубене, у брата мужа, ее деверя, князя Семена Новленского и единственного его наследника сына Даниила - вотчину в Новле.

После смерти матери юный князь Андрей остался круглым сиротой. Ничто его не радовало, ни в чем не находил он покоя. По ночам в его памяти возникала мать, он вновь и вновь слышал ее последние слова, свидетелем которых стал и игумен Кассиан Каменский, соборовавший княгиню: «Помоги, отче, Андрею, он не приспособлен к тяготам мира, он цветок, который без ухода может завянуть. Всякий сироту обидит, только Бог приласкает. Ты, отче, дважды его спасал от верной гибели. Бог любит Троицу. Не бросайте его, сердечное мое любимое!»

Когда князю исполнилось 17 лет, Василий II, только что ослепленный

Шемякой, приезжал с семейством в Спасо-Каменный монастырь. Говорят, хотел здесь принять обряд пострижения, уйти из мира. Но вышло по-иному: отрешившись от великого княжения Василию Васильевичу передали, что многие бояре и верные ему люди поднимаются против Шемяки, просят его быть с ними заодно. Поколебавшись, Василий Темный согласился продолжить борьбу.

Лишение Заозерских всех наследственных вотчин произвело на Андрея самое тягостное впечатление. Сирота, бездомный, оставшийся без средств к существованию, на себе познавший, как коварны и властолюбивы сильные мира сего, он решил затвориться в стенах Спасо-Каменного монастыря, где и так проводил в раздумьях целые дни и недели.

Вопросы, вопросы... Нет на них ответов. Разве не Василий Васильевич первым подверг брата Шемякина Дмитрия Косого ослеплению, совершив невиданно грешное дело до этого на Руси? Другой бы и на глаза православных не показывался, не то что добиваться великого княжения. Разве не он, Василий Васильевич, в ответ на приглашение Дмитрия Шемяки на свадьбу с Софьей заковал его в цепи и бросил в коломенский застенок? Не он ли, победитель московский, заложил татарам Русь за свой выкуп из плена? 25 тысяч рублей, невиданную сумму*, обязался заплатить Василий II хану Улу Мухаммеду за свою свободу. За что же тогда сражались на Куликовом поле русские дружины во главе с Дмитрием Донским и дедом Андрея Василием Васильевичем Ярославским? Выходит, чтобы снова залезать, из-за трусости Василия, в кабалу к татарам?

«А если правды нет в этом мире, - размышлял Андрей, - то нужно молиться о спасении своей души и о спасении отчизны, необходимо всего себя посвятить Богу. Только услышит ли Он мое отчаяние и мои мольбы к Нему?»

Опять сомнения, но нужно решиться сделать верный шаг. Напрасно братья Семен и Федор отговаривают. Сестра Софья поняла бы, но где она с сыном скитается, не зная, бедная, куда податься, как сохранить своего сына от неразумного гнева Василия Темного, которого не раз прощали его враги?

Уже не раз заводил Андрей с игуменом Кассианом этот разговор. Игумен, никому не отказывающий в пострижении, отговаривал его: «Благоверный князь, монашество - не единственный путь ко спасению, можно спастись и в мире. Твое место не здесь, а в думе бояр или на поле брани. Служа верно великому князю, ты не только не лишишься наследия небесного, но можешь возратить себе и отцовское».

Молодость просителя, его высокое происхождение, а особенно отношение великого князя московского к князьям Заозерским навевали тяжелые думы в душе Кассиана и приводили в сомнение осторожного старца, опасавшегося, как бы за принятие в монастырь опального князя самому не подвергнуться гневу Василия Темного. «Отче, - отвечал ему Андрей, - что напрасно смущаешься? Ничто не поколеблет моего намерения и не изменит моей решимости посвятить себя иноческой жизни. Не от других принимать услуги, а служить другим и нести крест свой по следам Господа желаю я».

Не напоминал игумену юный князь последнюю просьбу к нему своей матери, знал и чувствовал, что Кассиан в душе хранит эти слова, и они для него важнее всех сомнений. После многих откровенных душевных бесед облек он Андрея в иночество под именем Иоасафа, индийского царевича, ради служению Христа оставившего свое царство, ушедшего от брэнного мира ради собственного спасения. Будто гора тяжелая упала с плеч князя-инока, успокоилась душа, нашла

* Для сравнения: Василий Темный внес вклад в Троице-Сергиев монастырь в количестве 3,5 рублей, и это по тем временам считалось солидной суммой.

свое умиротворение. С радостью сердечной выполнял он свои иноческие послушания, истово молился, преклоняя голову лишь для краткого сна.

Но и в окруженный волнами островной монастырь время от времени долетали известия о продолжающейся кровавой расправе между Василием Темным и Дмитрием Шемякой. Войне, казалось, не будет конца, как вдруг в 1450 году в монастырь по пути в Москву нагрянул юный сын Василия Васильевича, князь Иван, чтобы заказать торжественный молебен в честь разгрома отрядов Шемяки на реке Кокшеньге. Служил молебен сам Кассиан, а чернец Иоасаф, стоя почти в притворе церкви Спаса Преображения, смиренно наблюдал, как княжич празднует победу, как вдохновенно он, совсем еще юный, повторяет вслед за игуменом слова молитвы «Верую, Господи...»

Все это для Иоасафа была суета сует, но сколько крови пролили неразумные за эти два года, когда он принял постриг. На Сухоне, говорят, колами стояли в воде утопленники с камнями, привязанными за шею по приказу Шемяки. А Кокшеньгу, самую хлебородную область, от которой и монастырь кормился, сожгли дотла дружины великого князя, чтобы истребить крамолу Шемякину.

Княжича Ивана инок Иоасаф помнил еще шестилетним, когда служилась та памятная литургия, чуть не прерванная для Василия Темного известием о неожиданной челобитной ему воевод и бояр с просьбой вновь заступить на великое княжение. Слепой князь от такой привезенной новости, помнится, так крепко сжал руку своего малолетнего сына, что он даже тонко вскрикнул, с трудом выдержав ладонь.

С тех пор прошло недолгое время, но как разошлись судьбы двух князей - Ивана и Андрея! Один - наследник великого царства, другой - искатель царства духовного. Жалее ли Иоасаф об этом? Разве можно о духовной цели жалеть, к ней надо стремиться, и в этом теперь смысл его жизни. За два года в своей деревянной келье у са-

мой воды он столько передумал, столько прочитал святоотеческих писаний, столько, пребывая в посту, испытал моментов молитвенного восторга, когда плакал слезами радости и любви ко всем, кого любил и кого ненавидел, что он истинно уверовал в Бога, представляя весь свой жизненный путь такой дорогой служения Ему. Разве такая счастливая и наполненная духовным трудом жизнь сравнится с погонями за людьми по кокшеньгским лесам с целью их убиения и ограбления?

Гонит эти воспоминания от себя инок Иоасаф, погруженный в сладость молитвы, в ее священные смыслы, в торжественные видения. Свидетель его подвигов сообщает: «Блаженный князь, как древо, напоялся слезами умиления и, бодрствуя непрерывно в церкви, добрым своим произволением возбуждал общее удивление братии; радуясь, посреди лишений, имел он единую заботу - как бы угодить Богу. Пустынно и умирительно было место иноческого его подвига, волнами, как бы стенами, огражденное; сам он был, как птица, особаясь на гнезде своем, и псаломски говорил душе своей: «Се покой мой, zde вселюся».

Опытным старцам в монастыре молодой пострижник виделся цветком подснежником, выросшим не в княжеской оранжерее, а на суровой каменистой земле. Он был как птица, которая не улетела в теплые края, а осталась зимовать среди распахнутых для снега и мороза просторов.

Но душе его было тепло. В убогой келье, единственное окно которой выходило на родной заозерский берег, под стук дождя и вой вьюги он молил Господа о спасении и даровании этой прекрасной земле покоя и мира, благополучия и любви. Преподобный Иоасаф, уйдя из грешной жизни, отдал всю свою жизнь Богу, столь проникновенно и с такой самоотдачей в Него уверовал, к Нему тянулся, что еще при жизни заслужил уважение братии и окрестных богомольцев.

Время, в которое он жил, как раз и

требовало нравственного и духовного примера, образца для подражания. Вновь, как во времена татарщины, на Руси огрубелись и пали нравы, брат пошел на брата, дети отказывались от родителей, предательство и воровство стали обычными явлениями, корысть и безверие вошли в души современников. За четверть века межкняжеской войны страна пребывала в разрухе, ветшали города, нищенствовали селения. Небольшой, искренний и чистый светильник веры, загоревшийся на Каменном острове, явился спасительным и манящим светом для многих и многих людей, разуверившихся во всем добром и справедливом, что поднимало с колен человека, делало его ближе к Богу. Преподобный Иоасаф стал молитвенником за пропадающие во мраке своего времени души, чаял их скорейшего преобразования.

И в ответ на мольбы и слезы его посетило замечательное видение, которое редко кому даже из праведников является в самых сокровенных молитвенных бдениях. «Телом принадлежа земле, а духом паря в небесах, подвижник еще на земле сподобился посещения Господа Иисуса, святое имя которого постоянно было на его устах, - рассказывал вологодский священник Иоанн Верюжский в своей книге «Исторические сказания о жизни святых, подвижавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею Церковию и местно чтимых» (Вологда, 1880). - Раз он пел псалмы в своей келье и вдруг услышал голос: «Мир тебе, возлюбленный угодник мой, Иоасаф!» Усомнился было сначала юноша, неожиданно услышавши это приветствие, но радостный трепет сердца подсказал ему, чей это голос и кто удостоивает его своей беседы. Со страхом и благоговением Иоасаф отвечал: «Се раб Твой, что судила о мне благость Твоя, Владыко?» «Видишь ли, - сказал ему Господь, - все пространство этой пустыни около озера, сколько ее в длину и ширину? Тебя ради всю ее наполню пустынноиками, славящими имя Мое». Так отметил Господь целомудренный подвиг инока Иоасафа, его чистое сердце и бескорыстную доброту. Вновь

пал он в ноги: «Господи, дай мне уразуметь, откуда придет все необходимое для подвизающихся в пустыне?» Господь отвечал: «Если обрету их хранящими заповеди Моя и не заботящимися ни о чем житейском, то Сам о всем для них промыслю». Третий вопрос решился задать Иоасаф: «Как избегнут они сетей вражых и лютых искушений?» В ответ услышал Божественный голос: «Если со смирением и кротостью будут соблюдать Мои заповеди, не только сотворю их превыше лукавых наветов, но и наследниками вечных жилищ небесного царствия».

Эти Господни слова стали заповедями для насельников великой монашеской области окрест Кубенского озера, для всех, кто здесь проживал, живет и будет жить, а тот, кому они явились в видении, заслужил славу праведную и благодарность великую за истовое служение Спасителю.

*«Радуйся, светозарное солнце,
чюдотворче Иоасафе, отче наш,
просвещающая покаянием озлобленных
зимую греховною, тех согревая
и обращая и восставляя, яко отец
чюдодобивый!»*

*Радуйся, луна пресветлая, иже
ночь нашего неразумия отгоняеши,
смиреномудрым учителем учение!
Радуйся, звезда светлейшая,
денница возходная, своим труды
ясно возвещающая нам свет,*

*будущего века пребывание!
Радуйся, яко светоносная заря, иже
благочестием верных просвещающая!
Радуйся, прелюбимая весно,
изрящая божественную нам
любовь, якоже прекрасныя цветы
душевныя доброты!..*

*Радуйся, источник преславный, паче
меда и сота черплющим от добраго
твоего исцеление неоскудно!..
Радуйся, истине проповедниче
и добродетелем наставниче!*

*Радуйся, милостыни учитель,
злонравию обличитель!
Радуйся, прекрасный крине,
любовным взором всех
к Христу великий!..*

*О, наш заступник и помощник
во всем!»*

Коротка оказалась жизнь святого

угодника Иоасафа в Спасо-Преображенском монастыре. Он скончался через пять лет после пострижения на руках плачущей братии. Монашеское уединение святого князя-инока оказалось ровно таким, каким была и его самая сокровенная молитва, ибо не могло духовное счастье в те времена длиться долго.

Жизнь, прожитая с молитву. Исчерпавшая всю свою видимую нами телесность и обратившаяся в молитву вечную в селениях праведных. Защитничек наш скорый, святой Иоасаф. Образ реальный, перешедший в образ идеальный. Таким он и остается в памяти пятьсот пятьдесят лет до наших дней.

Светоносный подвиг князя-инока Иоасафа волновал многие души и умы. Непорочный и таинственный, целомудренный и отринувший стяжание, уберегшийся от соблазнов и ставший на единственно праведный духовный путь, он осветил свое жестокое, смутное и подлое время, вернул ему наше уважение в надежде на просветление даже самых темных лет русской истории. Образ преподобного Иоасафа невозможно было приду-

мать или сочинить, так как он дан нам был для спасения и в другие крошечные времена.

Все окружение преподобного ныне почитается Русской Православной Церковью угодниками Божиими: его родители - святой благоверный князь Дмитрий Заозерский и святая благоверная княгиня Мария Заозерская, основатели монашеских обителей в Заозерье преподобные Дионисий Глушицкий и Александр Куштский. Воистину святое гнездо и святое семейство!*

В конце XIX века чудотворящие мощи бедного страдальца из Вологодского Духова монастыря крестным ходом вернулись во вновь отстроенный и открытый Спасо-Каменный монастырь. Крестьяне всех окрестных по побережью сел и деревень встречали святыню и провожали до места постоянного ей поклонения. Но недолго святым мощам предстояло здесь находиться. Мытарства и лишения, испытанные Андреем-Иоасафом при жизни, продолжались и после его кончины.

Очередной изгнанныческий путь преподобного начался после закрытия монастыря при Советской власти. Кто-то из верующих прибрал ковчег с мощами, кто-то темной ночью

* В книге А.Е.Тараса «Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV-XVII вв.» (2006), написанной с нелюбовью (еще мягко говоря!) к «москвитам», утверждается: «Спустя 150 лет (в 1603 г.) новгородский митрополит Исидор объявил Шемяку святым. Он принял во внимание тот факт, что Москва в конце концов погубила Новгород, дважды (в 1477 и 1570 годах) подвергнув его полному разграблению. Отсюда канонизация Шемяки как «заступника» Новгорода от москвитов. Его мощи почитаются до сих пор». Если это и произошло (очень сомнительно), то волевое решение Исидора, не подкрепленное никакими решениями церковных Соборов, решавших вопросы канонизации, остается, как говорится, на его совести. К тому же до сих пор не совсем ясен другой вопрос, противоположный, - был ли предан Шемяка церковной анафеме, коей ему пригрозили иерархи Православной Церкви во главе с тогдашним митрополитом Ионой.

Попутно замечу, что молодой храбрец (однако и вероломный хитрец) Шемяка может кое у кого, действительно, вызвать симпатию. Идеальных людей ни тогда, ни сегодня нет и не предвидится. Но князь Дмитрий Юрьевич Шемяка, последний романтический удельный князь, бравший власть «изгоном», то есть с молодецкого набега, с ходу, проводил объективно политику местничества, удельщины, тащившую и всю страну в прошлое, в историческую пропасть. Во время своих кратковременных захватов великокняжеской власти он подтверждал «независимость» Великого Новгорода, возвращал уделы местным князьям, чем настраивал против себя московское боярство и духовенство.

на лодке переправил их на берег, кто-то надежно их спрятал. Иначе так бы и развеялись по миру нетленные косточки преподобного Иоасафа, если бы не благочестивые местные христиане, которые спасли от поругания святыне мощи. Их передавали из рук в руки, скрывали, бережно хранили. Они находились за иконами в красных углах, прятались в дедовских сундуках, таились в подвалах и погребах. Вологжане, понимающие, какую святыню они спасают, в большинстве своем остались безвестны. Такова христианская традиция: творящие добро совершают его безымянно и бескорыстно.

В 1950-х годах при владыке Гаврииле одна вологжанка, которая хранила ковчег с мощами, передала его епископу, и владыка положил их в алтарь Рождество-Богородицкого кафедрального собора под престол - самое надежное место. Протоиерей Кон-

стантин Васильев, настоятель храма, вспоминает, что при владыке Дамаскине в 1974 году для мощей преподобного Иоасафа была сделана специальная полочка в алтаре, а в 1989 году, после празднования тысячелетия Крещения Руси, владыка Михаил благословил соорудить для мощей раку и вынести их в храм для поклонения. Возле распятия рака и сейчас стоит. В праздник (отмечают память преподобного Иоасафа 21 сентября) мощи ставятся во время полиелея на середину храма.

Кто пойдет по паломнической дороге следом за нами, заверните у вологодского вокзала на мост через железнодорожные пути, спуститесь по лестнице к Рождество-Богородицкому кафедральному собору, зайдите в храм и поставьте свечу перед ракой князя-инока, помяните молитвенным словом светлый образ юного страдальца.

ФОТО В. НАГАЕВА